

Распечатанное письмо отдала Элизабет почти час назад, а она все сидит и не знает, что ответить. Утром шеф вызвал к себе и сообщил, что есть запрос, скорее всего, по ее части. По ее части – значит, два варианта. Первый, составляющий 80 % случаев перевода на нее, – когда нужно суметь отказать, потому что по каким-то причинам заявку невозможно осуществить. Второй, более редкий, – разобраться и просчитать все варианты, попробовать пробить почти гиблое дело и, уж если получится, тогда сопроводить весь процесс от начала до...

Элизабет смотрела на страдальческое лицо шефа, уже догадываясь, что вариант, скорее, первый. Из уважения к ее опыту он все чаще предлагал ей самой разобраться и вроде как самой решить, в какую сторону двигаться, а в последнее время вообще стал все более неуверенным. Сегодня его лицо изображало мигрень. За годы совместной работы она научилась вполне неплохо отличать его игру от настоящих переживаний. Раз играет, значит, дело скользкое, неприятное. В прошлом месяце на них вышло три агрессивных отклика от разных организаций внутри страны. К счастью, жалоб в Европейский суд по правам человека еще не было, однако и швейцарская агрессия в их адрес была достаточно тяжелым бременем, потому усложнять себе жизнь и портить репутацию сейчас не время.

После прочтения письма стало ясно, что этот клиент – отказник. Старый, действительно старый человек. Но абсолютно здоровый. Конечно, по критериям своего возраста, понятное дело. Хотя многие 80-летние не могут похвастаться таким здоровьем. Так на каком основании можно признать его подходящим для программы? Классический минимальный набор – медицинская документация, кипы и кипы бумаг о проведенных обследованиях, терминальных стадиях заболевания и, главное, о доказанной мучительности болей и острого регресса качества жизни в связи с болезнью. А что здесь? Она уже представила разговор с юристами. И это вызубренное «Мы не помогаем совершить суицид!».

Да-да, она знает, где грань, она прекрасно понимает. И если организм исправен, то ничего не поделаешь: иди к священнику, психологу, психиатру, чтобы вылечили душу. За столько лет она научилась чувствовать состояние просителей, их отчаяние и их облегчение, когда принимают в программу.

Пока что за письмом сегодняшнего должителя больше слышно сарказма. Что там у него случилось – поди разбери. С внуками поругался или с соседями? Кому решил «отомстить», чтобы сокрушались о его кончине? Они старательно пишут

свои записки и завещания, растравляя воображение пафосными картинками, как рыдают на их похоронах не успевшие извиниться дети, как ругают они своих безалаберных внуков, не ценивших добродетельную бабушку или щедрого деда.

Таких вот обиженных через ее руки проходило немало. Их можно понять: люди на грани отчаяния от своей немощности, а чаще одиночества, им кажется, что уйти намного проще, но сделать это самостоятельно они не готовы. Но она, она не имеет никакого права обречь своих медиков на роль палача. Они врачи, они помогают облегчить страдания.

Некоторые кандидаты после отказа пишут гневные письма, обвиняя и Элизабет, и всю их организацию в подлости, лицемерии. Но таких все же единицы. С остальными почти всегда удается выровнять ситуацию. Были даже те, кто благодарил спустя какое-то время за подаренные дни или месяцы жизни... за возможность выпить еще несколько чашек кофе, увидеть ночное небо, пообниматься с любимой кошкой. Всем им было отказано по причине недоказанности (читай: доказанности обратного) болевых страданий. Да, болезни в основном неизлечимые, но обезболиваемые. Значит, можно еще жить, пусть и в инвалидном кресле, но самостоятельно дыша, пусть и в постели, но с видом на весенний сад, пусть и медленно умирая, но без невыносимых физических страданий. В конце концов, вся жизнь – это путь к умиранию.

И вот перед ней такой же проситель. При этом старик зашел сразу с юридической стороны. Впервые к ним обращаются через адвоката. Значит, понимал, что не подходит, подстраховался. Уже первая заноза. Шефу нужны веско оформленные основания для отказа от юристов и максимально корректное разъяснение ситуации клиенту от нее.

А что она может? Только попытаться разговорить, найти хоть какие-то следы любви к жизни, сыграть на них, на нелогичности. Все, как учили тогда, когда впервые соприкоснулась с этим миром: максимальная корректность и уважение к нежеланию жить; никаких оценок и переубеждений.

Она обвела взглядом свежестроенный кабинет, мысленно намечая, какой дизайн-проект закажет через три года. Такие частые смены декораций – не ее прихоть. Это лишь напоминание сотрудникам, что ничто не вечно, не надо цепляться за вещи, память, события. Все эти сувениры и значимые вещицы в их случае – просто непомерный груз.

В начале работы, когда она только адаптировалась здесь, привыкала к новому способу видения мира, она имела неосторожность принять за первый месяц целых четыре вещи. Женщина пятидесяти шести

лет, Мириам, была ее первой дарительницей. Накануне финального дня Мириам передала ей маленький потрепанный веер. Когда-то, безусловно, изящный, не бумажный, а из тончайшего дерева с резным орнаментом. На остатках его можно было разглядеть контуры райского сада с павлинами. Хвосты их были, по-видимому, особенно узорчатыми, поскольку от них остались лишь маленькие острые обломки.

Второй дар был от премудрого Шепарда. Его дневник. Из коричневой замши с золотыми выгравированными инициалами, явно подаренный за много лет до болезни; подаренный не с жалостью или нежностью, но с восхищением и уважением; не ошеломленному диагнозом человеку, а сильному, может быть, властному мужчине – так много было в этом сочетании фактуры и цвета. Плотные благородно-желтые страницы, не испорченные типографским отбеливанием, каждая с тиснением, прошитые вручную шелковыми бежевыми нитями. Никаких тебе пошлых календарей или разлинованных расписаний, никаких прорезей под ручку или креплений под телефон. Эта вещь выбиралась под человека, возможно, в те времена, когда каждая вещь еще несла свой особенный смысл.

Как странно, ей казалось, что дневники ведут только женщины, пытаясь усмирить свои чувства, выплескивая их неровными строчками. Шепард вел дневник своего ухода. С момента постановки диагноза. Как раз из-за этого дневника или благодаря ему шеф вовремя изъясил у нее все четыре «дара».

Элизабет помнила тот день «крещения». Она сидела за столом и плакала над строчками: «Мы в ответе за тех, кого приручили, но мог ли я предвидеть, что буду так немощен? Для Кити я, кажется, нашел чудесную семью. Их девочка приходила сегодня и так нежно ее обнимала. А Кити, всегда яростно выпускающая когти на любую попытку к ней прикоснуться, Кити даже не шевельнулась. Лежала на коленях и только поглядывала на меня, как будто не с осуждением, но с разочарованием...»

И в этот момент вошел шеф. Тогда еще бодрый, уверенный в себе и своем деле, Маркус нес такую энергию, что приходящие доверяли ему, кажется, беспрекословно. И вот он говорит ей что-то, по привычке неспешно прохаживаясь по кабинету, глубоко запуская руки в карманы вельветовых свободного кроя брюк. В какой-то момент его взгляд падает на стол, на раскрытый дневник.

– Прошу прощения, а что вы читаете?
– Дневник. Дневник покойного Шепарда. Он ушел около месяца назад, неоперабельная аневризма, помните?

– Естественно, я помню. Для чего у вас его дневник?
– Я... я... Тогда она растерялась, ощущая, что в чем-то виновата, но никак не понимая, в чем именно. – Он сам отдал! Просил сохранить, прочесть в память о нем. Сказал, что детям оставлять не хочет, чтобы не ранить, у них и так много от него останется.

Шеф смотрел на нее уже не зло, но озадаченно, как тренер на любимого, но проигравшего сегодня подопечного.

– То есть вам самой не показалось странным, что детей он решил «не ранить», а вас «одарил»?

Элизабет сидела молча, от страха (трехмесячный испытательный срок заканчивался через неделю) не решаясь обдумать вопрос шефа, а только виня себя, что сделала что-то самовольно.

– Возьмите *это* и следуйте за мной.

Они долго петляли по разноцветным и разнопахнущим коридорам клиники, пока не остановились у металлической хозяйственной двери. Обычная серая дверь на магнитном ключе.

– В эту комнату я приглашаю вас только сегодня. Надеюсь, вы к нам надолго, потому давайте ознакомлю с постулатами нашего мира. Доступ в эту комнату есть только у нескольких человек. За редким исключением, это те люди, которые не взаимодействуют с нашими пациентами *вживую*, по почте или по телефону. То есть те, для кого наши заказчики – просто фамилии и номера, просто документы для оформления. Вам как человеку, ежедневно общающемуся с пациентами, вход сюда будет запрещен.

Маркус приложил магнитный пропуск и открыл дверь. Поваяло ароматом сладкой мяты. Распыляющиеся освежители были размещены по всему зданию клиники. Запахи бессмертной природы: фруктовые, тропические, древесные – подавались согласно электронной системе управления. Их меняли местами каждые полгода, чтобы не надоедали сотрудникам.

В просторной комнате, похожей на склад, выстроились ряды металлических серых стеллажей. На них одинаковые небольшие коробки из дешевого картона с маркировками дат. Маркус жестом предложил ей пройти вперед. Элизабет ступала осторожно, боясь растревожить тишину этого места. Она не решалась потрогать или спросить, только обернулась на шефа в ожидании.

– Это склад «даров». Коробки хранятся год после ухода. Ровно столько времени отведено нашим контрактом на то, чтобы родственники могли потребовать что-то из оставленного их родными. Поскольку юристы не сопровождают очно весь

процесс ухода, то такое понятие, как последняя воля уходящего, его желание одарить и прочее, не является законным. Человек мог находиться в состоянии аффекта, немощности и прочее, и прочее. Соответственно, родственники имеют право получить то, что ушедший подарил любившейся ему медсестре или санитарке.

- О, простите, я совсем не подумала...
- Да, вы совсем не подумали, – оборвал ее шеф, – но не о них, а о себе. Все то, что я вам сейчас сказал, просто перечисление сухих фактов. В реальности с момента первой процедуры и до сегодняшнего дня у нас ни разу не было прецедента, связанного с дарами. Это всего лишь правило, созданное для того, чтобы уберечь наших сотрудников, особенно тех, кто слишком мягок для такой работы.

Элизабет опустила глаза, за эти три месяца она впервые слышала намек на претензию в свой адрес.

- Не думайте, что я решил вас поучить, боясь, что когда-нибудь чей-то сумасшедший сын решит судиться с нами из-за последнего носового платка ушедшего отца. Все гораздо проще. Вам нельзя хранить их дары. Потому что они уходят, вы провозжаете их и должны остаться здесь, чтобы полноценно работать дальше с другими такими же нуждающимися в помощи людьми.

- Но если просят принять? Мы должны говорить «нет»?

- Этически вы не можете отказать уходящему человеку в удовольствии оставить о себе что-то памятное. Но ровно в тот момент, когда процедура окончена и установлено время смерти, вы должны пройти в комнату А-3107 в конце коридора юридического отдела и положить в точно такую коробку все то, чем одарил вас ушедший. В конце недели эту коробку спускают сюда, вниз, оставляя вместо нее новую в комнате А-3107.

- А куда эти коробки уезжают потом?

Маркус посмотрел на нее с удивлением:

- Их утилизируют, естественно. Мы не можем раздавать эти вещи, какими бы дорогими они ни были.
- Кажется, они надеются, что их вещи сэберегут...
- Маркус открытым жестом показал ей, что пора выходить. Захлопнув дверь, он заговорил мягче.

- Элизабет, наши клиенты – люди, чьи последние месяцы жизни были наполнены страданиями. Боль делает человека очень эгоистичным. Это нормально, так должно быть, организм сосредоточен на себе, ему нужно поддерживать жизнь, собирать все внутренние ресурсы. И в этом эгоизме уходящему хочется, чтобы оставшиеся

здесь помнили его и страдали по нему. Им кажется, что это и будет неким подтверждением смысла их жизни: раз остались неравнодушные, то путь был пройден не зря. И они имеют право на эту фантазию, на это утешение, которое мы им тактично предоставляем.

Однако наши сотрудники имеют право на собственную жизнь. Они имеют *право* горевать только по своим ушедшим близким, а в остальное время жить полноценно. Непонимание этого права мы прощаем нашим больным клиентам, но не персоналу.

В тот же вечер она положила в коробку в комнате А-3107 оставшиеся веер, значок космонавта и театральный бинокль, уникальную, антикварную вещь, его утилизировать было жалче всех: словновая кость с бронзовой оправой, на шелковой ленте именной вензель; в руке этот бинокль лежал так гармонично...

Она решила немного отвлечься, прежде чем приступить к сегодняшнему письму. На экране открылась сохраненная вкладка National Geographic. Исследования космоса. В четверг ее прервали на восьмой минуте серии «Крайний рубеж телескопа Хаббл». Что-то про протопланетарные диски. Монитор озарился яркой картинкой, напоминающей ядерный взрыв: «Так рождается звезда...»

From: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

To: Colin Thompson
colin-believeinscience@gmail.com

Дорогой Мистер Томпсон!

Меня зовут Элизабет Шнайдер, и я назначена личным куратором по вашему делу.

Ввиду уникальности запроса нам необходимо продумать стратегию оформления данного случая.

Это не значит, что мы отказываем вам, однако нам нужно время для обсуждения. Сами понимаете, наша организация, несмотря на идею уважительного отношения к человеческой жизни, часто подвергается нападкам со стороны правозащитников, консерваторов, церкви.

Пока мы прорабатываем вашу заявку на юридическом уровне, позвольте мне прояснить уровень мотивации.

Я с уважением отношусь к желанию человека самому завершать свой путь. Однако меня заинтересовали ваши слова о душе. Правильно ли я полагаю, что вы человек верующий? К какой церкви вы относитесь? Обсуждали ли вы свои планы с вашим

и метафоры – лишь крошки соли. А под них нужен кусище черного бородинского хлеба, да с деревенским ароматным маслом, иначе эта соль ничего не стоит. Пустые они, метафоры и красивые слова без плотного сюжета. Короче, не вдохновляло небо.

Пришлось все равно исследовать окна. Начал время подлавливать. Обычно утреннее с мая по октябрь – когда народ просыпается и его первым делом тянет шторы распахнуть, пробудиться. Ну и, конечно, все склоки да скандалы, утром-то с недосыпа, недопива, недосекса...

И вот там пантомимы и оживают. Постепенно я начал фиксировать оптимальное время, потом для системности пришлось записать. Так у меня целая тетрадь завелась, кто да где, с кем живут, у кого какой режим.

Я как-то и не задумывался, что со стороны это может выглядеть странноватым: почасовые записи. Герои у меня были с прозвищами, чтобы легче ориентироваться: орхидея (бабка на шестом, просто джунгли вместо балкона!), голая (тетка – вот ни разу не интересно, обычно снизу пизама, а сверху голо, но плоско), зомби (мужик), таракан (мальчишка с первого, все отковыривал что-то по всему дому и в рот совал).

В какой-то момент я даже забыл про цель наблюдения. Затянуло, каюсь. Это ж как сериал, только в твоей озвучке. Очень, кстати, хорошо тренирует мозг.

Так вот, в итоге позвонил редактор и напомнил про ожидаемые тексты. Пылящая статуэтка «Помпея» шумно вздохнула. И тут я понял, что можно вообще ничего не фантазировать! Вот он – уже готовый сюжет! Куда ж круче?!

Трудился несколько недель над общей канвой, слепил, отнес... А редактор развернул: не тот формат, шли на ТВ, художественности нет, одни сцены. Логично, конечно, что видел, то и писал.

К великому моему удивлению и последующей много позже печали от навалившихся проблем, они там, на ТВ, текст взяли, отдали своим сценаристам на переделку и... В общем, неплохой сериал вышел. Целый сезон отсняли. И финансово очень поддержали талантливого автора.

Мне ведь и не подумалось тогда, что «зомби» этот действительно от ящика не отлипает. Конечно, многовато я вставил реальных сюжетов, в принципе, можно себя узнать, но чтоб так заморочиться! Чтобы вычислить и прийти разбираться... Что за люди пошли?! Склочные какие-то, мелочные.

В общем, отобрал он у меня трубу. Сказал, что если еще раз что-то хоть близко подобное напишу, то отберет у меня и невинность.

Я сначала обиделся, мол, какая невинность, может, я неухожен (я в творческом провале, мне не до внешности), но женщины в моей жизни были всегда, даже в трудную минуту.

Потом он пояснил, что, оказывается, не ту невинность, ну, не основную, в общем, а дополнительную. А за нее мне и правда стало тревожно. Хоть люди и считают, что у нас в творческой среде все мужчины – они эти... но, скажу я вам, вовсе не все. То есть я вот не из них и насильственным путем к ним присоединяться не хотел бы. Ничего против своих коллег не имею, но пока меня все устраивает и так.

А понимаете, как он пригрозил? Он сказал, будет каждую неделю мою фамилию гуглить, чтобы ни одного вшивого рассказика мимо него не прошло. И если хоть в одном почувет намек, метафору, отсылку к его жизни (естественно, я для вас его слова перевел с языка матовой лексики) – то все.

Конечно, неплохо, что на одного читающего в нашей стране станет больше, но я не готов положить на алтарь самое сокровенное. А адрес-то у него есть. А теперь еще и моя труба, направленная на окно своего бывшего тоскующего владельца.

Я теперь пишу только в комнате, которая с видом на церковь. Сначала думал занавески повесить от его трубы, а потом испугался, вдруг он надумает себе, что пишу. Решил, наоборот, активно его убеждать, что я только ем, сплю, телевизор смотрю. Убрал из бывшей «дозорной» все намеки на письменные принадлежности. Поставил мольберт для виду. Малюю.

Но не писать я не могу, я же писатель. А теперь не могу писать то, что привык. За фантастику мне братья поздно, оттого я стал искать темы в мире зарубежном. А что там у вас, чего нет у нас? Иммигранты, политиканы, забастовки – так этого добра уже и у нас полно! Всякая толерантность – это пока экзотика. Мы к ней как народ непривыкший. Рубили друг друга сколько веков, а тут вот терпимость, принятие – смешно даже.

А вот ваш род деятельности меня заинтересовал. Это же такое далекое от нашей страны, нашей культуры, такое нам чуждое. Да и зачем нам эвтаназия? В России с ноября по март: тяпнул немного и пошел на улицу, прилег случайно, вот и все, отпустил душу. У нас, судя по продолжительности жизни, полстраны находят способы для эвтаназии. Да и государство каждый год подкидывает возможностей, не дает нам, так сказать, совершить грех.

Потому я решил обратиться к вам. За материалом, конечно же, а не за услугой эвтаназии. Я хочу

написать о вас книгу. Пока еще идея слишком обобщенная. Наверное, о том, каково это – каждый день общаться с несчастными сумасшедшими, работать с болью, смертью, прощанием, как вы выживаете в таких условиях и что принудило вас работать именно там?

Я абсолютно открыт к вашим предложениям касательно формата и идей. Будет то роман или вы позволите мне написать биографическую книгу... История о вас или же истории ваших пациентов. Понимаю, они могут быть конфиденциальными, но все-таки всегда можно обобщить, поменять декорации и имена...

В общем, писатель готов написать о вас абсолютно безвозмездно!

Как-то напыщенно получилось, а я вовсе не таковой. Я искренне надеюсь, что вы сможете поделиться со мной чем-то интересным. Своего рода терапия для вас: рассказать о том, что накопилось.

Я вот ходил несколько раз к психологу, не поверите, очень интересный формат. Можно говорить и говорить. Правда, за это платить деньги нужно. Но зато ты точно знаешь, что можешь рассказать все и тебе ничего за это не будет! Я как-то даже выругался на него матом, и ничего, сидит, улыбается! Проанализировал сексуальный подтекст моих матерных высказываний, но об этом в другой раз.

С приветом с вашей Родины,

Михаил Петричкин

From: Colin Thompson

colin-believeinscience@gmail.com

To: Elisabeth Shneider

elizabethshneider@diabco.com

Уважаемая Элизабет!

Я рад, что мне ответил конкретный человек, ведь шансы на адекватный диалог с живым объектом намного выше, чем с бюрократической машиной, в которую, как я полагаю, постепенно превращается и ваша прекрасная по благородности целей организация.

Пожалуйста, обращайтесь ко мне просто Колин. Я стар для формальностей. Надеюсь, ваши юристы не слишком затянут процесс подготовки, иначе они рискуют остаться без клиента.

Шучу! Как и писал ранее, полагаю, в небесной канцелярии обо мне забыли, и, если не вмешаться, то могут и не вспомнить еще с десятков лет.

К вашему главному вопросу... Знаете, про душу это я загнул, конечно. Я ученый, я атеист. Почти девяносто лет своей жизни я работаю со смер-

тельными вирусами. В погоне за ними где только не бывал. Нигерия, Уганда, Сомали, вся Индия... Вот ведь забавно, вирусы ни разу меня не попытались убить, хотя шансов бывало немало, особенно когда начинаешь исследовать биоматериал на контагиозность, работаешь с каким-то новым штаммом и еще неизвестны пути заражения.

Это удивительные создания, вы их можете увидеть только через профессиональный микроскоп – многие из них поистине красивы. Вирус Ласса, например, – как игрушечные морские мины с рогулками, только зеленого цвета. А Денге вообще чудо: будто теннисные, бархатистые мячики, сотканые из геометрических звездочек и овалов синего, бордового, зеленого цветов. Но такие крошки способны уложить взрослого мужчину, всего за пару суток приковать его к постели, как немощного старика, заставить страдать, покрыть тело кровоточащими язвами...

При этом я всю жизнь искал способы, как их убить, победить, уничтожить, чтобы сохранить людям жизни, много жизней. Нет, мы не хирурги, к нам со слезами не бросаются родственники умирающего, никто не благодарит нас каждый год, отмечая годовщину своего второго рождения. И в современных статьях всемирной сети о нас пишут так безлико: «австралийские ученые нашли лекарство от...». За этим стоят сотни, тысячи человек только нашего материка. За каждым из них – годы непрерывающейся работы: учеба, степень, исследования, лаборатории, статьи, конгрессы, книги. А для общества мы просто некая группа трудяг, копошащихся в закрытых лабораториях.

И все же мы делали уникальную работу. О ней даже не всегда и слышат, пока не столкнутся с одним из наших исследуемых: африканский трипаносомоз (сонная болезнь), Марбург, Денге...

К счастью, большинство людей знает о нашей работе крайне мало, и, как ни странно, это происходит как раз потому, что работаем мы хорошо, уж не считите за нескромность.

Простите мне мою старческую любовь к воспоминаниям и отвлечениям, вернусь к сути. Я своей работой спас немало жизней, отдал свой долг семье, университету, своим учителям, своей стране и ее налогоплательщикам. Теперь же мне бы хотелось уйти. Как говорят в покровительствующей нам старушке Англии, «присоединиться к большинству». И это не решение от отчаяния или грусти, не одиночество и не тоска. Просто мне действительно пора.

С уважением,

Колин Томпсон.

Глава 3

До обеда еще больше часа. Думается что-то плохо сегодня. Надо сосредоточиться на письме. На каком из них? Ответ Колину пока что кажется неподъемным. Он явно хочет поскорее все закончить. Что может она предложить? Лишь череду вежливо размытых писем.

Значит, надо этому писателю. Как его там – Петричкин? Удивительно бессюжетная фамилия. А размер письма – на роман тянет, как из прошлого века, боится, вдруг что недоскажет.

И что прикажете ему отвечать... Петричкин хочет предьсторию, жаждет знать, когда она вдруг поняла свое предназначение. Какая банальность. Как сюда попала, так и поняла. Формально почти пятнадцать лет назад, сразу после двухгодичного «круиза» на корабле-госпитале. А если брать глубже?

Она отлично помнила и не раз в своей жизни разворачивала эту ниточку событий к глубинным истокам своего выбора. Но этот писатель – стоит ли ему рассказывать, раз такой недалекоий?

Сама идея книги звучала абсурдно. Элизабет уже давно не жаждала внимания – ее истерические порывы и страсти были успешно проработаны за шесть лет сеансов у психоаналитика. И вот теперь снова по кругу...

И кто ее дернул обмолвиться Маркусу о нелепом письме с далекой родины? В понедельник на террасе цюрихского кафе к западу от Бюрклиплатц она любовалась, с каким неиссякаемым аппетитом шеф поглощал утренний *rain du chocolat*, потом перевела взгляд на паутинку морщинок, расплзающуюся год от года по его белой коже. Следы старения ложились на его лицо ровно и неизбежно, как вечерняя тень.

Маркус любил поесть вкусно и с изыском. Трапезу он считал безусловным даром нашей жизни, слишком ценным, чтобы портить его чем бы то ни было, тем более профессиональными дискуссиями, потому разговоры о работе во время еды были категорически запрещены. Но за столько лет уже, казалось, не осталось тем, которые они бы не обсудили, потому так искренне делились любой новой мыслью о чем угодно: будь то прочитанная еще в детстве и случайно вспомнившаяся книга или ожидаемая премьера, очередная война или новый рецепт.

Она с легкостью, полушутя, рассказала ему про своего почитателя, готового написать о ней книгу. Рассказала со смехом, но, заметив сосредоточенный взгляд Маркуса, осекалась: подумала, что все-таки затронула тему работы, а он был крайне

щепетилен в вопросах границ. Маркус отер рот салфеткой и озадаченно нахмурился.

- Ты что-то ответила ему?
- Зачем? С такими лучше даже в диалог не вступать, потом не отлипнет. Пусть будет думать, что ошибся почтой или что я не понимаю русский. А что ты об этом думаешь?
- Спасибо, что спросила. Ты знаешь, я не позволяю себе давать непрошенные советы. Так вот, как твой друг я бы сказал, что это очень интересный поворот. На мой взгляд, все, что происходит случайно, бывает особенно значимым. Собственно, твой жизненный опыт тому отличное подтверждение, не правда ли? – Все перипетии ее скитаний по миру ему были известны и обсуждены по кругу несколько раз. – Так вот, как друг я бы посоветовал тебе рискнуть, поскольку ты ничего не теряешь.
- А не как друг?
- А не как друг... То есть как твой начальник... Я бы попросил тебя принять предложение и сделать таким образом очень значимый и своевременный вклад в имидж нашего общего дела.
- Ты серьезно?!

Маркус подозревал официанта и вместо счета попросил еще один кофе. В ее размеренной жизни удивлений сегодняшнего дня хватило бы уже на полгода. Шеф не просто решил обсуждать работу, но и продолжил при этом свой завтрак.

Дальше она его слушала вполуха. Что-то про имидж, про угрозы, про загадочную смерть министра здравоохранения (найдена мертвой на велосипедной дорожке районного парка без следов насильственных действий, свидетелей тоже не нашлось) – той самой дамы, которая так активно лоббировала интересы эвтаназии. Смысл речи был понятен Элизабет, так же как и план дальнейших действий.

Конечно, она сделает, как он просит. Конечно, она осознает возможную ценность этого шага. Что-то там про пиар, про международное внимание, про интерес из такой дремучей России, в которой (даже в ней!!!) понимают ценность их миссии, и прочее, и прочее. Только она никак не могла почувствовать, что же за всем этим стоит – что на самом деле происходит с Маркусом? Она что-то упустила, не заметила, в какой момент все поменялось?

Да, с годами стал более вялым, менее уверенным, в отпуск ездит чаще, смеется чуть реже, но все это такое естественное. Да и в принципе, согласно его теории, стабильными должны быть лишь регулярные перемены: с этим он продолжал справляться пре-

красно. Новые костюмы, эксперименты со стрижками и бородой, новые путешествия, всегда авторские, с уникальным маршрутом. Последнее было в Исландию на джипах в компании абсолютно незнакомых мужчин со всего мира. Маркус рассказывал о нем месяца два и ни разу не повторился.

Даже ей, искусственной бродяге-путешественнице, было завидно от описаний диких безлюдных бухт и безмянных водопадов, обрядов посвящения с картофельным шнапсом и тухлым мясом полярной акулы. Ей всегда хотелось попасть в его истории, в его воспоминания, в его путешествия. Со-чувствовать, со-переживать, со-прикасаться.

Теперь же, глядя на стареющего Маркуса, она вспомнила недавнюю серию документального фильма про Меркурий, как он предположительно потерял свою мантию: ее просто выжгло солнце, превратило в пепел, который разлетелся по нашей галактике, оставив Меркурия с одним лишь железным безжизненным ядром.

From: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com
To: Michail P.
bestwriter111@yandex.ru

Уважаемый Михаил!

Вчера не успела ничего написать по делу. Что ж, давайте сразу к сути. Итак, предыстория. Честно говоря, обдумывание того, как нужно говорить и с чего начать, так меня утомило, что я решила писать как есть, а уж вашей задачей будет привести все это в соответствующую форму. Все-таки вы – писатель. Поэтому, чтобы не тратить время на условности и объяснения, просто буду писать отрывками, в свободное время.

Что ж. Думаю, что началось все с истории с соседом. Сосед был генерал в отставке. Из таких типичных. Высокий, вечно борющийся с приросшим пузиком и круглящимися щеками. Вообще мужчина незлобный, добросовестный. Когда-то воевал по-настоящему, а к пенсии в кабинет перевели, вот и расширился, заскучал, наверное. Они с супругой мне как дядя с тетей были. Всегда дружелюбные, общительные. Уже через год, как переехали, весь подъезд их знал и уважал. Он веселый и громкий, она приветливая, интеллигентная, спокойная.

В один год (я была, кажется, на втором курсе) он начал заметно худеть. Ему удивительно шло: черты лица заострились, обозначились мужские скулы, мудрые морщинки. В какой-то момент его глаза превратились из китайски-заплывших щелочек

в крупные карие, бархатные, глаза. В них появился блеск. Все мы думали: как похорошел, как идет ему эта жесткость и четкость черт, как приободрился он, взгляд стал мужественнее, движения, наоборот, смягчились, ушла суета. Это обновление длилось около полугода. А потом он продолжил терять вес слишком быстро. Щеки постепенно ввалились, под глазами легли коричневые тени, а тот принимаемый за задорный блеск глаз превратился в лихорадочное свечение...

И все начали понимать, что происходит что-то грустное, чего не хочется замечать, слышать, ощущать рядом. Как будто при расспросах ты сам мог ненароком коснуться этого... коснуться и уже провалиться туда, в чужую беду. Он угасал стремительно, а потом и вовсе перестал выходить из квартиры.

В тот день на лестнице я встретилась с его супругой. Она была подавленной: понятное дело, муж болеет, совсем дела плохи. Стоит на площадке, выдыхает, домой не идет. Я ее только приобняла без слов, а она расплакалась: «Обезболивающее Мише сегодня не выдали, не хватило какой-то подписи на бумажке». Я-то девчонка еще, мне показалось, мол, не самое страшное, живой ведь пока, просто лекарство! Завтра сходит, получит, давай ей тараторить, что один день – это ничего, что все еще будет хорошо, обязательно. А она так смотрела на мое лицо, как будто искала чего-то, потом прядь волос моих за ухо завела и едва улынулась.

На следующий день наш подъезд был оцеплен. Генерал застрелился из наградного пистолета. Их, оказывается, не сдают, когда уходят на пенсию. Может, оно и к лучшему, что не сдают. После него было еще несколько громких случаев в тот же год, тоже военные, кто на шнурке повесился, кто из окна. Из пистолета, на мой взгляд, все же мужественнее, как-то по-военному.

А в тот день меня в подъезд после института пускать не хотели, куча людей вокруг, репортеры, комиссии... Человек просто хотел уйти, потому что ему было больно. Я попыталась представить, насколько же больно... И не смогла. В записке он винил законодательство или правительство в создании стольких препон для получения рецепта. Его родные вынуждены были постоянно отсиживать очереди ради нескольких подписей в рецепте, потому что он сам уже передвигаться не мог.

Как странно вспоминать это теперь, когда знаешь, что человек может уйти совсем по-другому, без злобы. Уйти, обняв своих близких напоследок, в красивом месте под нежную музыку.

Добрый день, Елизавета!

Как приятно получать ваши письма! Знаете, на днях поймал себя на остром желании пообщаться с вами вживую: так много вопросов возникает, пока читаешь ваше письмо, столько поводов для мгновенного диалога. И хочется тут же спросить, воскликнуть, уточнить, дать обратную связь – живого общения хочется! Я подумал про видеозвонки. Мы могли бы созвониться по фейстайму, я бы видел ваше лицо, замечал реакцию мимики на вопросы, вы стали бы намного объемнее для меня. Но потом...

Вы знаете, потом я представил вот эти экранные отношения, плоские картинки, «недостаточный уровень сигнала сети», помехи, шуршания, зависания изображения и речи. И все это показалось настолько разрушительным для создания атмосферы, настолько искусственным, пластмассовым, что ли.

Знаете, мои родители растили меня по программе Монтессори. Мама искренне считала, что натуральные материалы и минимум деталей в игрушках помогают развивать фантазию, а папа, видимо, был согласен, он вообще мало озвучивал свои возражения, боюсь, мама не одобрила бы его недовольства. Полагаю, что она все же была права про Монтессори, поскольку фантазированием я отличался знатным.

Уверен, благодаря этому я и смог стать хорошим писателем: хорошим фантазером от правильного воспитания и умельщиком прекрасно вербализовать свои мысли от природы. Додумывать, что кусок деревяшки – это трансформер, как у Витьки, представлять, что у него выезжают крылья... У Витьки, моего первого школьного друга, был трансформер, который за одиннадцать движений превращался из человекообразного робота в самолет. Одиннадцать движений по инструкции:

- сложить ноги,
- защелкнуть их красной дугой,
- развернуть ступни, как у балерины,
- наклонить вперед голову до щелчка,
- прижать руки к телу,
- расправить перчатки,
- вытащить из них сигнальные огни,
- через позвоночник достать два треугольника,
- разложить их на две стороны,
- из шеи робота вытащить острый самолетный нос,
- из живота достать шасси.

И вот перед вами реактивный бомбардировщик. Я помню до сих пор все эти шаги, хотя Витька давал мне подержать свою игрушку всего раза два. Тот еще жмот. В остальное время я мог только наблюдать. На

перемонках. А потом повторять руками все движение со своими деревяшками.

Я не ходил в детский сад, и жили мы преимущественно по семь-восемь месяцев на даче. До школы я практически не знал, с чем играют другие дети. Мои игрушки были деревянными или картонными. Редко – железными, такие конструкторы. Потом уже в школе мама моего одноклассника с восторгом воскликнула, глядя на мой самолет для классной выставки: «У моего папы в детстве был такой конструктор! Где вы его достали? Сейчас же нигде не продают, раритет!»

Кажется, это был единственный раз, когда одноклассники посмотрели на мою игрушку с интересом. Правда, через пару минут естественный интерес угас, но и эти пару минут дорогого стоили.

Знаете, при всей отсталости и простоте моих игрушек, при всей красоте и детализированности игрушек одноклассников меня всегда отталкивал в них этот запах китайской пластмассы или дешевых красок, неизменный спутник практически всех машинок, лего, пистолетов и прочих радостей. Даже их гаджеты пахли так же. Мама замучилась со мной выбирать телефон, когда уже нужно было самому добираться в музыкалку. Продавцы давали нам в руки разные модели, а я их нюхал и отбраковывал одну за одной, несмотря на сочувствующие лица окружающих (наверное, думали, что я аутист).

В общем, наблюдать со стороны со временем оказалось намного безопаснее и вследствие этого намного интереснее. Я, наверное, сумел себя приучить к этой созерцательной позиции, которая позволяет замечать намного больше. И опять же, фантазировать, фантазировать, фантазировать...

Так вот, представил я наше с вами общение по видеосвязи, и даже вдохновение улетучилось. Настолько теряется как раз вот это ощущение удивительно тонкой работы воображения: каждая строчка, каждое слово ваше я произношу с той интонацией, с какой его может произнести ваш образ в моей голове. Возможно, оно ничего общего не имеет с интонацией, которую используете в жизни вы, и потому еще более прекрасно так и остаться в неведении.

Будь моя воля, я бы писал вам письма от руки! Жаль только, что идут они теперь целую вечность. О, как бы вдохновляющее это было: по старинке ходить на почту, покупать марки, запечатывать конверты... У меня есть прекрасный ретронабор, дар моего литературного наставника: перьевая ручка с чернильницей и бронзовый нож для разрезания конвертов. Боюсь, нож никогда мне не дове-

дется опробовать, так и останется он украшением стола.

В общем, подводя итог, я все-таки против общения по видеозвонкам. Может быть, если вам так важно, чтобы ваш образ в книге был максимально приближен к вашей истинной личности, нам стоит подумать о варианте очных встреч. Вам, конечно, в Россию ехать бессмысленно, да и времени наверняка нет, но я бы мог вырваться, если ваша компания захочет принять меня для ознакомления с объектом моего, так сказать, литературного исследования. Было бы прекрасно увидеть вас в работе, всю вашу организацию, вдохнуть той самой атмосферы. Так что теоретически я готов, только нужно будет обговорить все детали. Жить я мог бы, например, прямо у вас в клинике – там же есть кровати в палатах? Наверняка они не всегда заняты. Только вот больничную еду я не готов употреблять, вы уж извините. Нет, я понимаю, что у вас кормят лучше, чем в российских больницах, но все же я имею очень специфические пищевые привычки. Так что просто командировочные и билет! И я смогу написать именно такую книгу, какую вам мечтается!

С уважением и надеждой,
Михаил Петричкин.

From: Colin Thompson
colin-believeinscience@gmail.com

To: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

Дорогая Элизабет!

Как вы молоды! Наверное, и половины моей жизни еще не прожили? А я самый старый житель Австралии. Намного старше Харбургского моста. И, кстати, живу в самом старом городе этой страны. Да-да, последние лет десять я только и делаю, что ишу, с чем сравнить свою жизнь (с кем-то одушевленным, как вы понимаете, сравнить ее уже невозможно. Разве что какие-нибудь черепахи). Правда, наш город старше меня всего на сто с небольшим лет, то есть он прожил две моих жизни, как я прожил уже две ваших.

Для города годы – это развитие и процветание. Мой город растет, перестраивается, облагораживается, он наполняется новой жизнью, спешит за прогрессом. Его болезни, изъяны и поломки исправляют, вылечивают, находят пути решения для всех его проблем. Заторы и пробки – вот новые дороги и скоростные поезда. Плохая экология – вот велосипедные дорожки и программы озеленения. Даже если б что-то взорвали, как когда-то у наших не-

счастливых новозеландских соседей, это бы наверняка восстановили за пару лет.

Для человека же старость сопровождается утратами и проблемами. Причем их количество увеличивается в геометрической прогрессии: внешний вид, увядание, упадок сил, понимание своей ненужности и непонимание новой действительности, разрыв связей с ушедшими родственниками... И это я еще молчу про проблемы со здоровьем, которые меня увы или к счастью, не коснулись. Вот эта настоящая старость, которая отрывает тебя от мира, начинается после девяноста и уходит только вместе со смертью.

Старику никто не скажет «ах, как вы похорошили за последние двадцать лет!». Так что про богатство – это вы, к сожалению, не угадали. Я беднее день ото дня, теряя постепенно все то, что имел. Лучше напишите, какие у меня шансы получить от вас положительный ответ и каковы сроки. Со сроками всегда легче.

С уважением,
Колин.

From: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

To: Colin Thompson
colin-believeinscience@gmail.com

Дорогой Колин!

Извините, ничего не написала о продвижении дела, поскольку пока новостей для вас нет. Мне просто хотелось написать вам. Не часто работаешь с такими людьми, каждое письмо которых – целый рассказ.

Переходя к вашей просьбе, должна сказать, что, согласно нашему протоколу, мы обязаны узнать мнение родственников наших клиентов. В первую очередь это касается ближайших членов семьи. Даже в случаях с тяжелыми больными, когда именно их родные выступают заявителями на наши процедуры, все равно порой возникают тяжелые споры между родственниками, вплоть до судебных тяжб. Вы находитесь в полном сознании, как я могу судить. Однако юридически мы должны быть уверены, что никто не поставит под сомнение вашу способность принимать это решение.

Прошу прощения, мне бы не хотелось, чтобы мои вопросы вас задели. Это просто формальные процедуры, которые хоть как-то защищают нашу организацию от нападков общественности.

С глубоким уважением,
Элизабет.

From: Colin Thompson
colin-believeinscience@gmail.com

To: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

Дорогая Элизабет!

Что касается упомянутых вами родственников, вы можете быть спокойны: никто не будет подавать на вас в суд, уже просто некому. Как и писал на прошлой неделе, я действительно задержался в этом мире слишком долго.

Вам, пожалуй, действительно сложно понять, что такое оказаться настолько оторванным от тех близких людей, к которым привык. Я нисколько не пытаюсь обвинить вас в отсутствии эмпатии. Просто вы в моем представлении еще молоды, и, хоть и наверняка замечаете разницу с младшим поколением, однако все равно живете в понятной вам, привычной реальности и не в состоянии примерить на себя мое мироощущение.

Я давно живу в чужом мире. Он создан по другим планам, другим идеям, другим ценностям. Это тоска и одиночество случайно попавшего в будущее. Мое окружение, все то, что было дорого – исчезло, выветрилось из памяти живущих ныне. В науке я, конечно, счастлив наблюдать то, как далеко продвинулись исследования, как много ученые смежных отраслей научились делать благодаря моим разработкам. Но в другой, обычной жизни, все это развитие и прогресс больше меня не интригует.

Моему желанию уйти лет двенадцать так точно. Моя жена, Меган, отдыхает от этой жизни уже четверть века. Она была старше на четыре года и ушла спокойно, во сне, как мечтается любому старику. Любому обычному старику (мне-то теперь мечтается уйти каким угодно способом). Первый десяток лет без нее я перенес достаточно стойко. Так что мое нынешнее желание – это не горестный порыв любящего всю жизнь мужчины последовать за своей супругой. Конечно, были грусть и одиночество, но в тот момент я был уверен, что скоро последую за ней, что просто мне нужно завершить здесь что-то. Я заканчивал наши с ней общие дела, переоформлял счета, распределял будущее нехитрое наследство, отправил кое-то на благотворительность.

Сложнее всего было с горшками. Меган всю жизнь лепила и разрисовывала цветочные горшки. Когда-то она хотела сделать это своей работой. Но, между нами говоря, качество изделий было такое, что даже регулярно одариваемые ими наши друзья могли лишь ставить в них самые густо разрастающиеся цветы на заднем дворе.

Однако я поставил себе цель: пристроить все произведения, которые успею. Девяносто шесть цветных горшков и вазонов ручной работы. Это был труд, я вам скажу, сопоставимый с культивированием вируса черной оспы! Я не торопился, полагая, что моя смерть будет вполне достойным оправданием незавершенности планов. Однако к концу второго года одинокой жизни я раздал все, сохранив лишь два самых неказистых, чтобы их поставили на наших могилах.

К слову, о могилах, вообще-то я категорически против этих немыслимых древних обрядов погребения дряхлого тела, еще и упакованного в деревянный футляр, замедляющий разложение. Мертвые тела бывают опаснее живых – уж этого-то я насмотрелся в Африке. Скольких усилий порой стоило медикам уговорить местных, чтобы они сжигали трупы во спасение живых! Но мы-то считаем себя продвинутыми цивилизациями – и туда же. Похоронить, еще и всем несчастным живым предложить напоследок поцеловать холодное тело, будто в отместку за то, что они пока остаются: нате, прикоснитесь к загробному миру.

Мы и так зарываем в нашу несчастную планету миллиарды тонн мусора! И вот ведь, еще и поверхность ее занимаем нескончаемыми надгробиями. А нас ведь 6 миллиардов. То есть лет эдак через восемьдесят на поверхности Земли будет дополнительно занято 12 миллиардов квадратных метров! То есть 12 тысяч квадратных километров! Это, между прочим, четверть всей вашей Швейцарии. Можете себе представить: четвертая часть вашей страны – могилы умерших только за последние сто лет?

В общем, как я уже говорил, я был категорически против этих варварских ритуалов. Меган, моя супруга, пару раз заикалась о том, что хотела бы быть похороненной рядом со мной. Я ей ничего не обещал, но когда она ушла, начал подумывать над тем, чтобы уважить ее просьбу. Не очень-то я много ее просьб успел выполнить при жизни. Она делала для меня больше: была и моим заместителем, и секретарем и вообще кем только не была. И вот, скрепя сердце, я обдумывал возможное захоронение моих останков, но вся моя субличность ученого, естественно, негодовала. И тогда эти два самых неудачных кривоватых горшка показали мне прекрасной возможностью продемонстрировать свое истинное отношение к могилам и кладбищам. Ведь тела умерших и правда как такие горшки – нефункциональные, некрасивые, но их не выбрасывают, а как-то виновато впихивают в землю, чтобы и не видеть и в то же время куда-то пристроить. Так что

я оставил их, чтобы их поставили на наших могилах. Или на ее могиле оба (если я все-таки предпочту кремацию). Вот так вот будут стоять, приземленные к плите с какой-нибудь едкой подписью, чтобы люли, проходя мимо, могли улыбнуться.

И вот представьте, я выполнил сверхмиссию по пристрою девяносто четырех цветочных горшков и... Так и остался жить! Смерть не забирала меня, и все продолжалось без каких-либо намеков на скорый финал. Я следил за собой, чтобы не вызывать раздражение окружающих, работал. Соцслужбы выделили мне женщину, которая приходила убирать каждую неделю. И вторую, которая готовила мне каждые четыре дня. Филиппинку. Сначала я хотел отказаться от нее, но спустя неделю распробовал ее стряпню, и оказалось, что что-то еще может принести мне краткосрочную радость.

В общем, физически справляться вполне удавалось. Поначалу тосковал и ждал, когда же мое время придет. Иногда утром подолгу не открывал глаз, рассчитывая, что, может, уже и не в постели очнусь. Эта игра затянулась, и пришлось себя одергивать. Помните, как в детстве: если сильно ждать, то ничего не произойдет, не надо заикливаться. Надо как-то жить и стараться сосредоточиться на других вещах: работе, науке, чтении, кино, какой-то элементарной работе в саду. Постепенно я свыкся и начал стараться замечать что-то хорошее в каждом дне. Правда, в основном это все равно касалось области моих исследований. Я даже снова взялся за докторантов, курировал молодых специалистов с самыми интересными темами. И так я продержался около десяти лет.

Прошу прощения, мне кажется, я заболтался.

Лучше напишите, как там у вас? Я тут смотрел ваш прогноз, представлял себе ваше туманное спокойное небо. Как же уже хочется покоя.

С уважением,

Колин.

From: Colin Thompson
colin-believeinscience@gmail.com

To: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

Добрый день, дорогая Элизабет!

Да, я не дописал, думал, вы и так поймете, вам наверняка таких историй, как моя, рассказывали сотни. Да и мне просто показалось, что я слишком погрузился в свои воспоминания. А вам наверняка есть чем заняться, кроме как читать письма старика с другого конца света. Но раз уж вам интересно,

то могу рассказать и дальше. Хотя дальше все достаточно логично. Со временем мне стало скучно. Настолько скучно, что это даже в фильмах сложно передать. Мне было не с кем пошутить, пошеяться о понятном. Даже коллег, с которыми мы стояли у истоков создания вирусной лаборатории, уже не осталось. Мне приятно почтение, с которым со мной общаются все те, кто считается в нашем Университете уже древними стариками (эти семидесятилетние юнцы! Да я еще полвека назад десятками их рубил на конференциях, подлавливая на очередных неполноценных выборах в исследованиях!). Иногда хочется, черт возьми, с кем-нибудь подурчиться, поспорить так, как лет шестьдесят назад, чтобы рвать бумаги, развязывать в гневе галстуки, угрожать переводом в Мельбурн или обзывать их советскими шпионами. Ох, бывало время!

Это снаружи в обычном мире считают, что ученые – какой-то особый подвид, интересующиеся только наукой, эдакие аутисты, заикленные на своем внутреннем мире. Знали бы вы, какие страсти кипят и в нашем муравейнике! На первом месте воровство. Причем воровство гениального уровня. Высший пилотаж – своровать идею и при этом не стать изгоем среди своих. Украсть и сбежать в другую страну может каждый, это для ученого не задача. А вот украсть идею и прямо тут модифицировать в этом же сообществе, выдать за свою так, что не подкопаешься... Расскажу вам как-нибудь при встрече пару забавных историй. (Я ведь уверен, что мы встретимся с вами на просторах старушки Европы.)

Пять лет назад ушел мой хоть и приемный, но горячо любимый сын. Ребенок Меган от первого брака. Ему было восемь, когда я окончательно смог оформить все бумаги. Знаете, он плакал от радости, когда нам пришли документы. Не уверен, что я был прекрасным отцом, но я действительно его любил. И он тоже ушел мирно, как его мать, в домашней постели через два с половиной года после того, как увидел свою правнучку. И тогда мне просто стало обидно. Не за него, что он умер – нет, он ушел вполне вовремя. Мне стало обидно за себя: почему я все еще должен тут сидеть?! Проживать эти одинаковые будни, продолжать этот абсолютно ничем не наполненный процесс.

Вокруг меня давно нет ничего, что было бы интересным. Ничего больше не трогает. Как будто за матовым стеклом что-то происходит, но мне не видно, слишком мутно.

Я хочу уйти, я уже достаточно натрудился.

Ваш Колин.

городах – думаю, туда и несовершеннолетних принимают, хотя, кто знает, может, сейчас все стало совсем сурово, я уже давно там не была; можно спросить у этого писателя, если тебе интересно.

– Можно. Но все-таки, если вернуться к теме абортов просто по неосторожности, юности, глупости. Как бы ты видела варианты помощи, как их отговорить?

– Помощь нужна тогда, когда еще никого не нужно отговаривать. По-моему, единственный вариант – бесплатные презервативы, как в Малави. А то кричим всему миру, что мы цивилизованная Европа, а пачка Durex стоит дороже, чем бутылка пива.

– Анетт, моя старшая, поделилась, что не может забеременеть. Оказывается, она делала аборт два года назад. Конечно, врачи говорят, что это не связано, аборт был просто медикаментозный. Но меня расстроила сама мысль, что она его делала, понимаешь? Я мог бы быть сейчас дедом... И главное, она тогда была уже в браке... Почему же решила не рожать...

Это звучало так по-русски, что Элизабет показало, будто она говорит сейчас со своим дедушкой. Как когда-то по скайпу с десятичасовой разницей во времени... Дед ей про ожидание правнуков, она – про калифорнийскую погоду, необъятных толстяков, резиновые котлеты по доллару за килограмм, дома из прессованной соломы.

Америка для нее началась как для большинства – work&travel на летнюю подработку. В принципе, ей повезло: с первого раза девчонок обычно отправляли посуду мыть в какой-нибудь детский лагерь. Весь день с согнутой спиной драить заплывающие тарелки. Она же хоть и тоже стояла по шесть часов, но вполне себе прямо, даже пританцовывая, а главное – в костюме Дональд Дака. Парк самых крутых в мире американских горок Six Flags – вот он, символ молодости и абсолютного счастья.

Вообще единственная мысль, которая тогда посетила, – не хочется больше домой. Не хочется рутины, не хочется дебильных митингов и закручивающихся гаек закона, не хочется бесконечной давки метро и обозленных рвачей из провинции, не хочется шесть месяцев зимы и сорок лет унылой работы. В семье считали все это абсурдом, в семье читали историю и культуру: следили за чистой языком, нелестно отзывались о понаехавших, категорически осуждали смешанные браки. Только дед относился спокойно к идее эмиграции: мол, неважно, где ты, главное – оставаться человеком.

На следующий год с работой не повезло: отправили на какую-то ферму. Но до фермы она не добралась, осталась на промежуточной остановке – Чикаго. На первое время были накопленные деньги, а дальше понеслось. Знакомство с русскими девчонками, квартирка на пятерых, заработок официанткой больше, чем в России помощником нотариуса. А потом вдруг нарисовался стриптиз-клуб. Все временно, но такие гонорары в двадцать лет затягивают, уже не оторваться.

Потом брак с австрийцем. И еженедельные разговоры с дедом по скайпу... Про то, как он ждет не дождется правнуков, про семейное счастье, про будущие поколения... И не объяснить ему было, что австриец взял ее в жены в обмен на десять тысяч, поскольку имеет американский паспорт, который получил за такие же десять тысяч в браке с толстой сорокапятилетней пуэрториканкой. И что детей без секса не бывает, а австриец вообще был не по женской части.

Во время таких бесед она чувствовала и грусть, и досаду на наше русское устройство семей: почему родители не могут отпустить выросших детей, почему постоянно навязывают свои модели, почему, наконец, эти самые дети, как и она, не могут жестко обозначить свое мнение, а вынуждены все время юлить и лукавить, лишь бы не расстраивать родных.

И вот теперь Маркус, тот самый пример европейского благоразумия, сдержанности и ненавязчивости, вздыхает, как типичный русский отец взрослой дочери, где-же-внуки-часики-то-тикают. С ним и правда что-то случилось...

From: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diab.com

To: Michail P.
bestwriter111@yandex.ru

Думаете, они говорят о чем-то великом и драматичном, обязательно плачут или ругают Бога? В большинстве своем нет. Они очень долго все это обдумывали, о многом говорили со своими родными, лечащими врачами. Эти врачи, наверное, за годы работы наслушались историй на несколько многотомников. Нам же остаются лишь заключительные речи.

И в конце люди рассказывают о разном, совсем о разном. Они порой так долго идут к этому дню, что он воспринимается как радость, облегчение. Был у нас пациент, основавший крупнейшую фабрику презервативов, думаю, она и в России представлена. В юности он работал на одной из таких фабрик лаборантом, отвечал за проверку качества. Он должен был наполнять презервативы водой, ждять,

кале, она решила придерживаться позиции выжидания. Просто слушать и наблюдать. Хернхоф, не подав виду, разочарован ли он молчанием собеседницы, продолжил:

– Вы же понимаете, что мы, как и любой бизнес, должны развиваться, иначе зачем кому-то вкладывать в нас деньги. И в принципе мы должны расти хотя бы потому, что рождаемость в мире набирает неконтролируемые обороты, чему теперь и будет способствовать наш Маркус, соответственно, чисто математически количество наших клиентов должно расти на 10–15% в год.

«Наш Маркус» резануло ей слух. За эти пару недель Элизабет так и не смогла определить, какое место теперь хочется отвести бывшему шефу. Как много ролей рядом с ним примеряла она для себя живую и в своих фантазиях. Подчиненная, коллега, помощник, друг, любовница, жена... Теперь же кто она в его жизни? Маркус сказал, что рассчитывает на дальнейшую дружбу и хотя бы редкие встречи. Живя в соседних районах, встреч в крохотном Цюрихе они, конечно же, избежать не смогут. Но вот дружба... Нужна ли она ей теперь...

– Итак, инвесторы проанализировали наше развитие за последние три года и пришли к выводу, что затраты на новейшее оборудование, рост заработной платы и прочее абсолютно не оправданы. Мы не просто перестали приносить прибыль, последний квартал показал работу в минус! Не буду вдаваться в статистические отчеты, поверьте мне, все действительно очень удручающе. Кроме того, как вы знаете, с каждым годом в мире открывается как минимум еще два подобных нашему заведению. Конкуренция зашкаливает. У вас есть предположения, как нам нарастить прибыль?

– У меня нет. Моя должность подразумевала выполнение конкретных задач. Я могу показать отчеты.

– Это я прекрасно знаю, Элизабет. Мы с вами работали много лет, пусть и в разных отделах. Меня несколько расстраивает тот факт, что вы, фактически правая рука предыдущего директора, так далеки были от понимания бизнес-целей нашей компании. Что ж, это многое объясняет. Вы прекрасный работник. А пока скажите, вы же в курсе про наше хранилище?

– Прошу прощения?

– Место, куда отправляются ящики из комнаты А-3107.

– А, да. Я бывала там однажды, при знакомстве со зданием.

– Я отдал указание пока приостановить утилизацию. Думаю, что все эти вещи... Они слишком ценны,

чтобы их уничтожать. Пока еще не решил, в каком формате, но думаю, мы могли бы создать из них выставку или отправлять в какой-нибудь музей.

– Вряд ли пациентка это понравится.

– Отчего же? Они все жаждут оставить после себя след, напоминание. Иначе зачем берут с собой в день процедуры эти вещицы? Если мы создадим выставку, уважим их желание запомниться, то новые потенциальные клиенты будут туда приходить и видеть, что наша компания действительно чтит память каждого. Я бы вот хотел, чтобы после меня что-то осталось. А вы?

– Не знаю, как отнесутся к этому сотрудники.

– Сотрудники должны думать о целях компании и о желании клиентов, – как-то раздраженно добавил он. – Подобный ход может и прибыль принести от таких выставок, и рекламу. А теперь к главному. Вот вам два новых запроса. Проглядите их и навскидку скажите ваше мнение.

Распечатанные письма просителей были уже с пометками маркера. Маркус никогда не распечатывал письма. Чем меньше овеществления, тем легче, считал он... Она бегло взглянула на заявки.

– Полагаю, оба отказники? Насколько я понимаю, они физически здоровы.

– Вы уверены? Там внизу выделенным шрифтом.

– Да, вижу: биполярное расстройство. Но это же просто психическое расстройство...

– Что же, это разве не заболевание, на ваш взгляд?

– Просто мы не занимаемся такими случаями.

– И зря. И нет. То есть зря, что не занимались, и нет: теперь мы им отказывать не будем!

– Это ваш новый план? Наши юристы не согласятся на такое.

– Это *наш* общий новый план, который я и представил инвесторам полгода назад. И месяц назад они получили одобрение *оттуда*, – недвусмысленный жест указательным пальцем вверх. – В цивилизованных странах депрессия считается достаточным диагнозом, чтобы человеку дать больничный, который оплачивает страховая компания. Шизофрения, даже вялотекущая, – достаточное основание для инвалидности. Болезни Паркинсона или Альцгеймера сводят с ума всех близких страдающего. Если ментальное заболевание с годами лишь прогрессирует – разве человек не страдает?

– Конечно, страдает. Но имеем ли мы право...

– За это не переживайте. Юридический отдел будет укреплен в ближайшее время очень мощными специалистами. Больше никаких личностных факторов, индивидуальных особенностей и прочее. Лишь четкая система «да-нет». Помните ту шумиху, ко-

тую устроила пресса, когда пропал ваш австралиец, а его родня обнародовала переписку?

Элизабет сдержала поток эмоций:

- Да, ситуация была очень... напряженной. Только при чем здесь это?
- При том, что мы слишком затянули дело этого ученого.
- Мистера Томпсона. Его звали Колин Томпсон.
- Ну да, его. Если бы был четкий устав по случаям с нефизиологическими расстройствами, вы бы сразу отправили ему готовое решение. И человек бы спокойно его принял. А в итоге – чего вы добились своими бесконечными деликатными письмами? Старик бесследно исчез, а родственники обрушились на нас, что мы всему виной! Вывезли его по чужому паспорту, приехали сами с инъекцией в их Австралию – чего только не писали! Это же безумие! В итоге нам нанесен колоссальный имиджевый ущерб.
- Мы просто искали, как ему мягко и уважительно отказать.
- И очень зря, что отказать. Старик небось утонул где-то или, еще хуже, стал жертвой грабителя-маньяка. В любом случае, вы не дали ему шанса умереть достойно.
- Этого мы не знаем. Просто таковы были правила, и мы работали по ним.
- Правила поменялись. Теперь люди с ментальными заболеваниями будут иметь такое же полное право на наши услуги.
- Любые?
- Это вопрос времени. Пока что те, кто сможет предоставить врачебное заключение о том, что заболевание прогрессирует и серьезно ухудшает качество жизни пациента.
- Боюсь, слишком много идей за один день. Мне нужно время, чтобы переосмыслить... Думаю, что не только мне.

Элизабет встала. Хернхоф загнулся, заметив ее нетерпение, спокойно приподнялся из кресла и уже медленнее продолжил:

- Уверен, что лично вы справитесь быстрее всех. Спасибо вам за продуктивный диалог. – Он не спеша обошел стол и направился к двери. – Кстати, в мой кабинет дверь будет всегда открыта. Мне хочется ввести новые порядки, но не принудительно, разумеется.

Через пару недель Элизабет обдумывала, как выстраивать отношения с Йозефом Хернхофом. Она сидела на краешке стола в своем кабинете и смотрела через оконное стекло: местные птицы атаковали

свежую кормушку, по очереди выпихивая соперников из подобия микробеседки. Хернхоф пару раз зазывал азиатскую еду из какой-то забегаловки. Лапшу привозили в картонных контейнерах-конструкторах. После завершения трапезы в коробке выдавливались окошки, а в пакете доставки лежали шнуры для подвешивания кормушек-домиков. Швейцарская педантичность с азиатской непродуманностью. От частых дождей и высокой влажности такие картонки съезживались уже через неделю. Однако Йозеф, кажется, планировал обеспечивать пернатых бесперебойно, считая, что такие кормушки наиболее экологичны. Станный он, людей, похоже, не любит, животных вроде бы опекает. Однако если оставаться, нужно найти свою модель. А пока что она не придумала вариант, что делать, если не оставаться.

Уйти можно всегда, а посмотреть, что сделает Йозеф Хернхоф из их компании, – это интересно. В конце концов, когда она пришла сюда почти пятнадцать лет назад, ей просто оставалось принять готовые правила. Ей и в голову не приходило, что что-то можно устроить по-другому. Она боготворила Маркуса: каждый его довод казался удивительно рациональным, все идеи – гениальными. После многолетних скитаний и поисков своего места Diab-co был для нее как новый дом для сиротского ребенка. И, благодарная за приют, она была счастлива согласиться со всем, что они предлагали. Со временем она адаптировалась, начала что-то замечать и предлагать – но лишь по мелочам. Ей хотелось перенять не просто правила, но сам образ мыслей Маркуса. И что теперь? Маркус вышел из игры. По факту он признался в том, что «дом» ему не нравится. Он выбрал совсем другие правила жизни...

Глава 9

- А напоследок вот вам материал для размышлений. – Хернхоф распаковал последнюю коробку с какими-то досками, проверил навскидку их содержимое и крикнул в открытую дверь: – Все хорошо, Изабель, распишитесь курьеру.

Он кряхтя приподнялся и начал шарить по ящикам высокого комода.

- Так вот. Очень интересное дело. Секунду, где-то тут у меня был шуруповерт. – Он выудил и разместил на столе небольшой кейс с инструментами. Явно его новшество. Маркус все поручал хозслужбам здания. У каждого человека должна быть своя работа.

– Прошу прощения, лучше сразу найти, а то я потом еще месяц буду смотреть на эти коробки и не находить времени.

Хернхоф, громыхая, выудил из кейса шуруповерт, затем достал из принтера распечатанный лист и протянул Элизабет.

– Теплый привет с вашей родины. Клиент вышел напрямую на наших учредителей, которые попросили проявить к нему особое внимание. Но любое наше решение должно будет получить одобрение сверху, поскольку этот случай может обрести политический оттенок, и наша с вами задача – подобрать такой вариант помощи, чтобы он принес максимальную имиджевую выгоду нашей организации.

From: Timur M.
tim-believeinlove@yandex.ru

To: Client-service
diab-clients@diabco.com

Добрый день!

Прошу прощения за мой недостаточно хороший французский. Я бы предпочел писать на английском, однако правила этикета предполагают обращение на официальном языке страны, а немецким я владею крайне скудно.

Полагаю, что вас уже предупредили о моем запросе. Моя страна очень большая. Самая большая на нашей планете. В ней есть место различным национальностям и вероисповеданиям, в ней есть место тропическим орхидеям и кустарникам, которые выживают лишь в зоне вечной мерзлоты. В ней есть место гениям и маньякам, шахтерам и ворами. Но в ней нет места таким, как я. Таким, которые любят не по правилам.

Один психиатр в своей видеолекции пояснял так: есть дерево, которое растет нормально. А есть дерево, которое растет криво, уже начиная с основания ствола. И неважно, почему оно так растет. Оно все равно вырастает и также зеленеет, обогащая наш воздух. Вот и *эти* люди – они тоже подобны таким деревьям.

Я так вдохновился, что перепостил это видео на своей странице. Мне казалось, такое объяснение настолько просто и понятно. Тогда я еще не совершил каминг-аут и хотел прощупать почву...

Люди чудовищны. Мои знакомые, те, кому я собирався рассказать свою главную боль, писали в комментариях, что кривые деревья могут давать листья и плодоносить, а *эти* «псевдомужчины» никогда не смогут дать потомства, но лишь распространят свою «болезнь»; с них начался в мире СПИД; их надо

вырубить и скорее вынести из сада, чтобы ветки их не заразили молодое потомство.

Я бы мог просто уехать жить в Европу. Пробовал. Восемь лет учился, работал. Но это не мой сад, и в нем я просто чахну. В своем родном саду я не нужен: я опасен и «заразен». Моя семья слишком известна в определенных кругах, чтобы продолжать со мной общение, если я «не исправлюсь».

Надеюсь, вы не станете предлагать мне поговорить с ними или переубедить. Все это уже пройдено. Много раз, поверьте. Они просто не считают, что такое бывает на самом деле. Все их друзья и родственники считают, что это распушенность, что все можно исправить. Мы пытались. Точнее, они пытались, а я поддавался. Для этого даже подобрали какой-то диагноз, чтобы было от чего лечить. Наверное, это был самый драматичный период моей жизни.

А потом отец сказал, что если бы я убил и отсидел, он бы простил меня и принял в дом, потому что это может случиться с каждым, на то мы и мужчины, природа создала нас воинственными, особенно нашу национальность. А вот то, какой я сейчас, он принять не может. Потому что это позор, природа так ошибиться не могла.

Они получили одобрение всех, когда отказались от меня. Я рад, что жизнь моей семьи после этого наладилась. Они не заслуживали такого осуждения и агрессии. Но после той отцовской фразы я успокоился и перестал драматизировать. В его глазах убийца достойнее, чем я. Значит, страдать уже бессмысленно.

Теперь я просто хочу уйти. Хочу уйти в чужом саду, чтобы мой родной мог цвести спокойно. Описывать свою боль и страдания у меня нет сил. Только с момента каминг-аута прошло уже пятнадцать лет, а страдать я начал еще подростком. Простите. Надеюсь, что можно будет обойтись официальными заключениями.

Спасибо, что даете людям возможность выбирать, как им распоряжаться собой. Спасибо, что делаете мир счастливее.

С уважением,
Тимур

Fwd: НАШЕ НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ

From: Elisabeth Shneider
elizabethshneider@diabco.com

To: Michail P.
bestwriter111@yandex.ru

----- Пересылаемое сообщение -----
16.05.20.., 15:42, «Elisabeth Shneider»
<elizabethshneider@diab.com>

Уважаемый Тимур!

Я назначена личным куратором по вашему запросу. Ваша заявка поставлена в очередь на рассмотрение. Нам необходимо ознакомиться со всеми официальными документами, которые вы сможете предоставить: медицинские заключения, эпикризы, записи сессий с психиатром, где и как вас лечили и т. д. На основании полного пакета документов мы сможем дать вам окончательный ответ в течение пяти рабочих дней, однако предварительно сообщаем, что ваш запрос при предоставлении всех документов будет удовлетворен.

С уважением,

Элизабет Шнайдер

----- Конец пересылаемого сообщения -----

From: Michail P.

bestwriter111@yandex.ru

To: Elisabeth Shneider

elizabethshneider@diabco.com

Здравствуйтесь, Элизавета!

Прошу прощения за долгое молчание. Я много думал после вашего последнего письма. Честно говоря, было бы легче, если бы вы снабдили эту прикрепленную переписку с новым клиентом какими-то комментариями, потому как поворот оказался неожиданным. Больше всего меня сбilo с толку то, как вы обозначили тему письма. Понимаю, что, наверное, были заняты и торопились поскорее снабдить меня последними новостями, но теперь... Я не знаю, что и думать.

Когда разгорелся тот скандал вокруг австралийского ученого, я читал в прессе вашу переписку с ним, по крайней мере, перевод, который опубликовали в наших СМИ, хоть ему, возможно, и не стоит верить (???). Еще хотел у вас попросить эту переписку в оригинале, но решил не беречь эту тему, а подождать затишья.

Как я понял, этому Томпсону вы также далеко не сразу сообщали категорическое нет. Полагаю, что из деликатности. Потому как в поздних ваших письмах отчетливо читается отказ в связи с отсутствием заболевания.

Сейчас же этот Тимур и ваше название темы письма... Вы правда собираетесь ему помогать??? В смысле умертвить??? Простите, если обидел вас этим допущением, но что мне еще думать?! Я крутил-вертел в голове эту комбинацию, и единственный вывод, если только это не ваш сарказм... Но вы никогда не шутили подобными вещами. Не могу даже представить себе, что вы можете иронизировать на тему работы, вы слишком деликатны...

Мне кажется, я не совсем понимаю, куда это все ведет. Дело в том, что у меня сложилась концепция книги. Дело название – «Сопровождающая».

Боюсь, я не смогу в правильном свете представить вашу новую миссию. Понимаете, когда пишешь, важно в это верить, этому верить. А то, куда вы двигаетесь... Я не очень верю в то, что это... не знаю.

Это как будто приравнять гомосексуализм к раку или волчанке. Во всем мире многие счастливо живут так, кто-то даже в однополых браках.

А такой выход – как усыпить здоровую молодую собаку просто потому, что не можешь ее прокормить.

Вы обиделись? Простите, я не хотел. Наверное, я перетрудился. Я слишком чувствительный. И эта тема оказалась невероятно жесткой для меня. Копаясь в материале, я погрузился в умирание, перестал замечать жизнь, ее краски. Как будто сам приблизился по эмоциональному состоянию к вашим клиентам.

Мне жаль, что вы обиделись. Мне очень дорого и приятно общение с вами, но, думаю, мне нужен перерыв. Отдых. Возможно, мы еще вернемся к этой теме. А пока я бы хотел заняться восстановлением сил.

Желаю вам сил и мудрости, чтобы и дальше прекрасно справляться с вашей работой.

Спасибо за уделенное время и вашу открытость!

Мы обязательно еще спленимся, я уверен. Просто нужно время.

С уважением,

Михаил Петричкин

Придунок. В первые за долгое время она чуть не швырнула ноутбук, даже не удивившись такому забытому чувству гнева. Не надо было и связываться, как чувствовала. Маркус втянул в эту историю, а потом просто сбежал. Только время впустую. Почти год переписки. Кучу воспоминаний переворосил! Еще ведь потом возьмет, да и использует ее материал для своих грошовых рассказов... Ведь по факту она никак не оговорила свои права на свои же воспоминания! А в России небось как и раньше – полный бардак, воровство даже на уровне мыслей, никак не защитишься.

Элизабет гневно соображала, что делать со своими чувствами, куда спустить их, на кого бы. Мама, выросшая в коммуналке и обзаведшаяся собственным семейным гнездом с отдельным санузелом только в двадцать шесть лет, всегда ото всех печалей наливала Лизе теплую ванну с душистой пеной. Неважно, какое время дня и года. Ванна с шуршанием тающих пузырьков – самое гармоничное воспоми-

стремлениях решить сотни вопросов, параллельно поглощая разогретые в микроволновке, но красиво разложенные и декорированные капелями соусов бизнес-ланчи. Люди носят с собой телефон, как священный Грааль, спасающий от чувства ненужности. Они разучились просто сидеть и есть, особенно если пришли в одиночку; фоныт высокомерием, часто выдаваемым за чувство собственного достоинства, истощенностью, прикрываемой образом живущего на полную катушку, нарочитой говорливостью, прячущей страх быть забытым. Как же давно все это ее окружало...

И вот в последние недели начали пробиваться ростки того самого, всегда даже в радости нервного предвкушения, напряженного ожидания или умиротворенной надежды на прекрасное будущее, которое полностью вытесняло настоящее. Кто бы мог подумать, что роман затянет настолько, что за десятилетие сотканная паутина цюрихской туманной размеренности начнет рваться под порывами московских ветров ее памяти. В течение дня она жила мыслями о вечере, когда засядет за роман. Роман ли? Изначально она была уверена в такой характеристике. Но чем больше текст проступал, тем чаще в голове проскакивало такое русское и такое забытое – повесть: некий *недороман* или *перерассказ*.

И вот уже и она начала носить на работу свой Мак, в обед пристраивая его на коленях (столики кафе обычно бывали маловаты): писать новое в ресторанах не получалась, но хотя бы редактировать и выправлять написанное уже в ночи, оттого с частыми повторами и описками.

Работа продолжала быть, плыть, течь... Любый глагол, подразумевающий самостоятельность этого процесса. Элизабет не потеряла интерес, не облепилась. Но работа стала какой-то отдельной вселенной, миром ее новой повести, в котором Элизабет из активного деятеля постепенно превращалась в восторженного внимательного наблюдателя. Так космонавты восхищенно разглядывают в иллюминатор Земли, видя ее внезапно такой цельной, отдельной и вполне себе существующей и без них: они часть этой земной жизни, но их отсутствие настолько мало и незаметно для той, кем они любят.

Принятие того, что без нас жизнь будет продолжаться, и так же будет звенеть шестичасовой трамвай на повороте, и будет идти назойливый ноябрьский дождь, и будет висеть в июле безразличное желтоватое небо – все это либо делает тебя злобным невыносимым завистником к тем, кто моложе и здоровее, либо превращает в философа. Пациенты, по счастью, попадали в их клинику уже

во второй роли. Насколько искренней она бывала – раньше казалось неважным. Сейчас же Элизабет, как любопытный исследователь, пыталась разглядеть, как под лупой, этих подопытных в экспериментах вселенной. Себе и своей компании она перестала отводить какую-то решающую роль, все чаще обдумывая безусловное наличие некоего высшего замысла, который дал и болезни, и способ их прекратить. А оттого все, что она может, – лишь выполнять свою работу и наблюдать.

Повесть заполнялась новыми сюжетами, новыми голосами, новыми вопросами. Можно было ничего не выдумывать – ее жизни хватило бы на три полноценных романа. Один московский, второй скитальчески-эмигрантский, а последний швейцарский, который к эмигрантскому типу отнести не хотелось, поскольку здесь она считала себя своей. По крайней мере, до недавнего времени точно. Она бы оформила романы разными стилями, формами, повествователями, как у Сорокина или Иванова. Оформила бы... Чем больше писала, тем больше хотелось, искренне веря в уникальность и неординарность своего опыта, мышления, статуса. Несколько раз она прерывалась на пару дней, всерьез обдумывая эти три ненаписанных еще романа и высчитывая, сколько можно рассказать в повести, чтобы точно остался материал на будущее. Мысль о том, как много всего предстоит, как много еще будет... И это русское «будет будет будет»...

Чем больше писала она о своих скитаниях, тем отчетливее проступала в ее воспоминаниях Москва. Приютить ее в повести было невозможно, так туго текст был наполнен другой жизнью, что не получалось раздвинуть хоть немного, чтобы пунктиром наметить родную столицу. Но в настроении Элизабет каждый день Москва, как под умелой рукой акварелиста, слой за слоем проступала все ярче, задним планом заполняя полотно ее повседневности. Давно, казалось бы, позабытые звуки утреннего Курского вокзала, серое уютное небо, запахи подъезда и первого ноябрьского снега – Москва проступала всем своим настроением, теми своими целями тридцатилетней давности.

Да много ли там изменилось? Такие же несущиеся куда-то молодые, жадные до работы и известности, сорокалетние, спешащие еще запрыгнуть в этот сверхзвуковой самолет, не сдающиеся пятидесятилетние...

Пациентов становилось все больше. Новый директор отлично справлялся со своей миссией. Протестов, угроз, а особенно гневных писем тоже, естественно, прибавилось. Элизабет целыми абзацами

вставляла их в свою повесть, дабы не напрягаться в изобретении новых героев, языков и стилей общения. Выходило вполне себе живо. Не назовешь художественным, однако, что ж, раз так ей пишут.

Повесть постепенно затягивала, диктовала об раз жизни. Каждое новое гневное письмо Элизабет больше не воспринимала с горечью или печалью, не откладывала момент прочтения, пока не отсмотрит очередную серию National Geographic. Письма, даже самые мерзкие или горькие, виделись просто страницами ее повести. А в повести не может быть плохого или хорошего, оттого вся корреспонденция в ее почтовом ящике виделась ей неким энциклопедическим знанием. Она лишь исследователь, который должен все это проанализировать, расшифровать и сохранить для потомков.

Шеф был ею крайне доволен: Элизабет меньше всех задавала навязчивых этических вопросов, просто работала.

Глава 12

Они обедали с Йозефом Хернхофом, обсуждая очередную пациентку.

– Что ж, люди могут не хотеть жить. Мы тешим себя иллюзией, что каждый оставит свой след. Серьезно? Каждый десяти тысячный – быть может. Известный в его узкой сфере или в его крошечной стране. След – как у китайцев на асфальте водяной иероглиф. Вы не были в Китае? Я вот был в командировке, мы там как раз запускали линейку фитнес-коктейлей. Так вот, в парке они рисуют водой по асфальту. И вот этот иероглиф – понимаете, его успеют увидеть утренние посетители, а дальше растворится он, слизнет воздух. И уже вечером того дня очередная бегунья небрежно протопчет кроссовкой по тому самому уже исчезнувшему следу.

Йозеф откусывал небольшие куски горячего сэндвича, тут же запивая минералкой, чтобы можно было говорить дальше, периодически отирая рот салфетками.

– Чего из этого делать драму? Ладно еще то древнее дело Ламбера*. Наивно, конечно, полагать, что человек хотел бы в таком состоянии прожить несколько лет, однако формально его согласия получить не смогли. То есть можно еще переживать, конечно, мол, не очень честно, не

спросили. А здесь-то у нас взрослая девица! Образование получала. Мозг этой Агнесс сохранил и может соображать. Так чего мы все играем в детский сад – люди вполне в состоянии решить, хотя бы участвовать в этой затее на восемьдесят лет или пораньше желают сойти с дистанции. Кто это вот напридумал, что жизнь должна быть дорога всем? Миф, иллюзия, не больше. Вот вы любите десерты?

– Увы, да.

– Почему увы?

– В моем возрасте нужно ограничивать сахар.

– Вот видите, все время нужно делать выбор. А вот я не люблю сладкое. Понимаете? То, что для вас удовольствие, порой недоступное, для меня – бессмысленность. Так и с ценностью жизни.

Элизабет задумалась. В голове всплыла картинка московской кухни, их семейных обедов втроем, обязательно завершавшихся чаем. «Не доверяю я людям, которые не любят сладкое», – в очередной раз вкрадчиво говорил папа, чуть отхлебывая из большой керамической кружки, которые ему десятилетиями дарили на работе к каждому празднику.

Чай со сладким у них был также неотделим от любой трапезы, как мама от папы (за тридцать восемь лет их брака они расставались только дважды: на роды и на папину госпитализацию). Сладкое было в доме всегда – для него в кухонных шкафчиках выделялась отдельная полка. Что-то похрустеть, что-то «полезное» (зефир, мармелад), шоколадки, баночки с джемом на пирог, подарочные конфеты. Из заграничных поездок Лиза всегда привозила сладкое – «лучший практичный подарок».

Папа умер от диабета. Точнее, от нежелания что-либо менять в своей жизни после постановки диагноза. Год спустя у мамы оторвался тромб. Ее положили рядом: папина могила не успела затянуться зеленой травой, как будто знала, что нужно подождать, пока соединятся оба, чтобы укрыть их навсегда молодой порослью. На похоронах резко постаревшая (или так показалось год не видевшей ее Лизе) тетка сказала: «Пора тебе, Лизочка, осесть уже дома. Пора. Здесь родители, здесь и мне скоро быть. Надо ближе к корням возвращаться. Чтобы всегда прийти, когда тяжело, совета спросить, поделиться чем. Да и за могилами следить надо». Через год Лиза стояла в Гамбургском порту и выглядывала пробирающийся сквозь молоко тумана корабль. С тех пор в Россию она не приезжала.

Элизабет смотрела на безразличного к сладкому Йозефа Хернхофа. Поджарый, зеленоватого цвета,

* Громкое дело Винсена Ламбера, прошедшего в вегетативном состоянии 11 лет и отключенного от аппаратов жизнеобеспечения вопреки судебным искам его родителей.

часто с коричневыми кругами под глазами. Наверное, печень. Они сидели напротив офиса в азиатской закусочной с самыми лучшими горячими сэндвичами, которую по традиции выбирала Элизабет. Хернхоф было абсолютно безразлично, где и чем обедать. Он ел всегда впопыхах, запивая пищу напитками всех сортов. Устрицы и мидии он поглощал с тем же видом, что и кебаб в арабской лавке. На первом этаже их клиники появились вендорные машины с ледяными подвявшими салатами и майонезными бутербродами. Секретарша шефа наизусть выучила телефоны доставщиков пиццы и тайской еды. Их клиника менялась, и Элизабет никак не могла определиться, какой ее описывать в повести. Не имея настроения и способностей к фантазированию, ей хотелось описывать все максимально приближенно к оригиналу. Но если старую, Маркусовскую клинику Элизабет не просто знала, но и чувствовала до мелочей, улавливая любые вибрации перемен, то сейчас, при Йозефе Хернхофе, все начало работать совсем по-другому. Оно не зачало, не разрушилось, вопреки ожиданиям многих (в том числе и ее), но оно все время куда-то двигалось, менялось.

Йозеф Хернхоф любил работать. Он любил сам процесс непрерывной деятельности, вне зависимости от того, какова была цель или финальный продукт этой деятельности. До прихода в их клинику он возглавлял маркетинговый департамент крупнейшей европейской компании по производству добавок для фитнес-питания. Сами добавки его абсолютно не интересовали, он вообще никогда не был фанатом ничего, что умел хорошо продвигать. Однако специалистом он был прекрасным, как раз благодаря этой здоровой доле отстраненности. Он не видел разницы между тем, сколько витаминов положат в баночку белковой смеси (да что вы спорите, положите группу В, раз она дешевле, чем D). Ему были важны дизайн этикетки, форма банки, цвет крышки. А содержимое интересовало лишь с позиции того, как это удачно подать в рекламе.

Так и сейчас он заботился о продвижении услуг клиники, одновременно успевая охватывать необъятное: запустил кол-центр (Маркус никогда бы не доверил сторонним людям рассказывать об их услугах: только личный контакт с каждым пациентом), сделал отдельные входы в клинику (для знакомства, для родственников, для приехавших на укол), заключил договоры с транспортными компаниями по репатриации (раньше все эти задачи должны были решаться семьями клиентов самостоятельно, клиника лишь выполняла процедуру), начал перегово-

ры о предварительном выкупе мест на пригородном кладбище (обязательно в разных его частях, мы не хотим, чтобы клиенты чувствовали свою изолированность).

Элизабет поражалась размаху работы.

Когда спустя полгода в комнате с густо-серым небом ушла Агнесс Гише – двадцатисемилетняя француженка, страдающая глубокой депрессией уже пятнадцать лет, Элизабет вдруг как будто встряхнулась. В ее размеренную, как она ее величала, «литературную» жизнь стали снова доходить слабые пульсирующие сигналы извне. Это было так не вовремя. Повесть набирала обороты, сюжетных линий становилось все больше, и Элизабет уже была подписана на несколько каналов по писательскому мастерству, с иронией отмечая, как просты и мелки их задания по сравнению с ее идеей.

Вообще-то, кажется первые сигналы начали поступать еще во время работы с заявкой Агнесс, но Элизабет так увлеклась документированием и последующей художественной обработкой жизненных реалий, что выполняла свои функции как будто механически и связывала редкие вспышки тревоги с изменением диеты и режима сна. Она как-то незаметно начала перекусывать поздними вечерами. Честнее сказать, ночами. Сама собой в руке появлялась чашка чая с какой-то безобидной хрустящей мелочовкой. В кафе ей хотелось слушать диалоги, отчего как будто снова по русской привычке она заказывала себе лишние порции (как-то неудобно сидеть с чашкой кофе целый час).

Агнесс ушла с такой легкой улыбкой, что любой психиатр, пожалуй, засомневался бы в тот момент в правильности ее диагноза. Это был первый случай пациента с ментальным расстройством в их клинике. Хернхоф действительно реализовал то, что планировал. Наверное, решающими для Элизабет были слова матери Агнесс. Все-таки кто, как не мать, должен до последнего бороться за ребенка, но мадам Гише без слез говорила о том, что ее Агнесс возненавидела жизнь настолько, что за последние пару лет начала дурно влиять на своих впечатлительных кузин, «покрывая нас всех, как тяжелым одеялом, этим мрачным настроением, безысходностью и тоской. И тогда мы поняли, что нужно уступить и принять ее выбор». Эту цитату Элизабет так и внесла в свою книгу, не меняя, хотя в реальности она не точно отражала ситуацию: согласие родных Агнесс было лишь условностью, не влияющей на решение комиссии. Это сама Агнесс годами пыталась

получить одобрение семьи. Чувство вины перед близкими часто было последним и порой непреодолимым рубежом для тех, кто хотел уйти.

Элизабет как-то скопканно закончила главу про семью Гише, будто опасаясь, что саморедактора и повторные обдумывания растревожат ее сомнения, запустят снова череду вопросов о праве их компании участвовать в вопросах ухода, о том, куда все это заведет, – тех ненужных вопросов, которые мучили ее первые года три работы.

Элизабет начала перечитывать Брэдбери и Азимова, Гаррисона и Бестера, Стругацких и Воннегута. Хотелось окунуться с головой во что-то отдаленное от этой реальности, провалиться так, чтобы туда не доносились отвлекающие импульсы тревоги, сомнений, совести. Зависнуть где-то над происходящим, не касаясь его.

А в конце мая она купила себе Bresser Pluto 114/500 EQ – немецкий телескоп рефлекторного типа, достаточно компактный, чтобы брать на природу. Уже само прикосновение к черному гладкому корпусу переносило сознание куда-то в мир неземного. Так удивительно, что те же самые звезды светят на всех тех, кого она знала. Они смотрят на созвездия, и траектории их взглядов встречаются где-то в космосе. И где-то там Виолка на дачных качелях, выкуривая очередную сигарету с оторванным фильтром, запрокинет голову и уставится в небо с ухмылкой. И в своей полуразвалившейся деревянной хибаре Теана, задерживая на ночь хлипкие занавески, мельком взглянет на Большую Медведицу. Даже этот неказистый русский писатель, и тот смотрит на те же звезды, наверное, сокрушаясь о своем утерянном телескопе или вознося молитвы о новой премии.

Там, сверху, все эти копошения на их малюсенькой планете кажутся, наверное, смешными и хаотичными. Люди спорят, можно ли разрушать старинные здания – как держатся они за засечки своей цивилизации, как кичатся друг перед другом, у кого богаче культурное наследие. И только оттуда, с высоты, все эти шедевры живописи, скульптуры, музыки – кажутся такими ничтожными по сравнению с произведениями самой Вселенной.

Пересматривая по несколько раз самые интересные документальные фильмы про космос, Элизабет с улыбкой думала о том, как малы и ничтожны наши усилия сохранить несколько лет жизни человеческого тела по сравнению с возрастными планет в космосе. И все чаще она гадала, какие из этих звезд уже давно взорвались, и лишь игра законов

физики продолжает создавать для нас эту иллюзию их существования, все еще неся через пространство свет умерших звезд. Как несет она бережно память о Хавьере, который уже давно не освещает и не греет никого на этой земле.

Глава 13

Уже лет пятнадцать она не просыпалась в таком состоянии, как сегодня. Не то плакать, не то сразу повеситься. Настроение как в детстве, когда зимой приляжешь спать днем, пока в окно еще светит яркое солнце, а в комнате прохладно: поддувает, сколько ни заклеивает мама окна длинными макаронинами утеплителя и скотчем; укутаешься, счастливый в своей неге, в теплое одеяло, а через два часа тебя будят, всего мокрого от духоты, за окном темнота давно, голова гудит, глаза от лампы режет, всего лишь шесть вечера, и до ночи еще пять часов и несделанная домашка. И так тошно, что до слез как не хочется вставать. А взрослым как будто и все равно, потому что ты уже не малыш, а школьник, потому что надо «планировать самому», «уметь доводить дело до конца», «организовывать себя» и вот это все бесконечно занудное и унылое – все то, что спустя сорок с лишним лет стало для нее нормой жизни. И если бы были у нее дети, она таким же механическим голосом повторяла бы им те же избитые, но оттого ничуть не потерявшие свою ценность тезисы жизни.

И хоть в тот момент за окном было вовсе не черное зимнее московское небо, а молочный туман, за которым и неба-то не разглядеть, но он будто бы и ее душу затянул своим влажным холодом, промозглым, унылым, тревожным, возвращая в то же детское состояние беспомощности, горечи и уныния.

Элизабет механически собиралась на работу, пытаясь по старой памяти прислушиваться к себе, разбираться с чувствами, находить отсылки к прошлому, чтобы хоть чуть отпустило. Увы, ее сознание не хотело анализировать, откуда все это нахлынуло. Ей просто хотелось плакать и не быть. Не быть не то чтобы конкретно здесь или именно собой, а не быть вообще, в целом.

У нее хватало времени, чтобы пройти до работы пешком, но мысль о том, чтобы целых полчаса брести по соседству с туманом, казалась еще более зябкой, чем сам сосед. Она дождалась сине-белого трамвая и медленно покатила вдоль молочных улиц.

В кабинете Йозеф Хернхоф раскладывал под стеклянные витрины какие-то камни. Те самые ящи-

ки, привезенные еще месяц назад, стояли пустыми почти две недели, но Элизабет была уверена, что они заполнятся лишь унылыми документами.

– Вот, наконец, дошли руки.

Элизабет вошла без стука, раз уж шеф считал, что на работе не должно быть закрытых пространств, закрытых тем для обсуждения и вообще всякого «интеллигентного копошения», которое только отнимает время от решения вопросов. Первое время сотрудники с раздражением воспринимали его привычку вламываться в любой кабинет, предвзято вторжение лишь выкриком из коридора. Однако Хернхоф и сам полностью поддерживал такой формат свободного общения, отчего постепенно все начали привыкать. Его кабинет был всегда открыт, он нетерпеливо приглашал рукой войти любого посетителя, даже когда разговаривал по телефону.

– Решил вот выгрузить здесь свою коллекцию. – Он говорил с ней, повернувшись спиной. – Правда, надо будет заказать дополнительные лампы. Освещение в кабинете никудашнее. Видели когда-нибудь такой опал? – Он протянул ей какой-то камень, издав далеко похожий просто на яйцо.

– Нет, я, увы, совсем не разбираюсь в камнях.

– В камнях! – хмыкнул Хернхоф. – Это минералы, Элизабет. Идите, посмотрите. Вот – как вам? А вот эта красота – агатовый жеод! Завораживает, не правда ли?

Под витриной красовались несколько камней различного цвета и структуры. Фиолетовый, как будто со спиралью закрученный внутрь. Желтоватый с прожилками, словно светящийся изнутри. Хернхоф по очереди вынимал их, бережно поглаживая.

Элизабет с удивлением осознала, что, кажется, у этого человека тоже есть увлечение. Он, всегда говоривший быстро, по делу и как будто с неким раздражением на необходимость произношения всех звуков, сейчас заговорил вдруг бархатисто неспешно, словно рассказывал ей сказку, когда показывал свои экспонаты. Так дети новому взрослому гостю с нежностью и гордостью приносят полюбившиеся свои игрушки.

– Вы не любите минералы? Как же их можно не любить. Смотрите, что таится в недрах нашей земли, у нас под ногами! Какие сокровища! А пещеры? Вы и пещеры не любите?

– Я больше люблю небо.

– Небо? – Хернхоф как-то неуклюже повернулся к ней. Затем глянул в окно, как будто вспоминая, что собой представляет небо. – А что в нем есть? Элизабет тоже взглянула на кусочек цюрихского

туманного неба. По цвету светлее московского, да только какое-то тугое, обволакивающее влажным. Действительно, какой-то пустой вид.

– В космосе тоже есть камни, в виде планет, астероидов, комет. Только они не лежат мертвым грузом, а постоянно перемещаются.

Шеф нахмурился:

– Это все слишком далеко и абстрактно. Их нельзя потрогать. Их и увидеть-то нельзя на самом деле. Так, лишь фантазии ученых, предположения. А это вот под нами лежит. – Хернхоф слегка потряс перед Элизабет коробкой с оставшимися минералами. – У нас так много неизученного и неизведанного вот здесь, рядом, а люди все время лезут куда-то в высшие материи. Вот так и с отношениями – носятся люди по всей земле, а по соседству, может быть, нужный человек всю жизнь и прожил, пока мы по сторонам глядели.

Их взгляды встретились, и Элизабет показалось, что последняя фраза как будто бы обращена к ней. Показалось.

Через месяц Хернхоф за обедом попросил Элизабет назавтра заглянуть в его кабинет до пяти минутки. Он говорил с такой подозрительно воодушевляющей улыбкой, что Элизабет начала ожидать очередной новой сумасшедшей идеи шефа. Утром она уже готова была стойко выдержать любое неадекватное предложение, теряясь в догадках, кого на этот раз он предложит внести в категорию их клиентов.

– Идите сюда, Элизабет. У меня для вас кое-что есть! Узнаете? – Шеф вынул из коробочки какой-то очередной камень. В отличие от предыдущих цветастых, совсем невзрачный. Просто булыжник, упакованный в прекрасный бархатный синий футляр.

– Увы, я же говорила, что, к сожалению, не разбираюсь в минералах.

– А это и не минерал! А еще говорит, что любит космос! – Хернхоф нарочито пробубнил это, даже улыбнувшись. – Неужели не узнаете? Это осколок астероида, затормозившего в земной атмосфере. То есть, соответственно, мы называем его метеоритом. Только вчера доставили с аукциона! Это тот самый, что несколько лет назад напугал вашу Россию и даже Казахстан! Это уж наверняка помните? Его так и называли: «Челябинск». Держите: это мой подарок! Кусочек космоса для вас. Элизабет замерла в некотором оцепенении... Йозеф Хернхоф, который даже на Рождество приказал для всех сотрудников купить одинаковые

были найдены в желудке тигровой акулы, выловленной месяц назад.

Элитные номерные часы с позолоченным браслетом практически не пострадали в воде. При детальном рассмотрении Мистер Стэйси обнаружил гравировку инициалов и надпись на латыни: *Amat victoria curam* (в переводе “Победа любит старание”. – *Прим. ред.*). После проведения экспертизы было установлено, что часы были подарены Университетом Сиднея известному профессору Колину Томпсону, загадочно исчезнувшему после не увенчавшихся успехом попыток пройти процедуру эвтаназии. Напомним, профессору Томпсону отказали в медикаментозном убийстве в швейцарских клиниках в связи с тем, что он был абсолютно здоров. После исчезновения Томпсона полицией Австралии рассматривалось несколько версий: тайный вывоз гражданина с территории страны, преднамеренное убийство по заказу самого мистера Томпсона, а также самоубийство.

В интервью для *Sydney Morning Herald* представитель полиции Сиднея заявил, что уголовное дело, открытое по статье “Убийство”, пока не переквалифицировано в другую статью, однако версия о самоубийстве на данный момент является приоритетной. Допрашивается владелец ломбарда. С его слов, моряки регулярно сдают ему различные вещицы, которые находят в рыболовных сетях или внутри крупных рыб. Установить личность моряка, принесшего часы в ломбард, пока не удалось».

Элизабет с утра успела прочесть уже несколько статей на эту тему. Потом она кипятила молоко для какао (лактоза и сладкое на завтрак, что может быть приятнее и вреднее) под австралийские новостные ролики о таинственной находке, вспоминая их с Колином заключительную беседу:

– Жизнь – это нечто большее, чем просто жить, – повторил он выдержку из ее же письма, где она цитировала дневник одного из ушедших пациентов. – У меня была прекрасная долгая дорога, Элизабет, теперь вы знаете. Я благодарен, что в конце жизни имел возможность провести время с таким человеком, как вы.

– Это я благодарна, что мне попался такой пациент.

– Пациент ли? – улыбнулся он.

Это был последний их разговор на веранде маленького бунгало. Океан, закат, плеск волн о загора приготовленные шлюпки. Только дельфинов не хватает. А по чувствам такое же счастье и легкость взаимопонимания, как когда-то долгими месяцами с Хавьером на палубе огромного корабля. Только

собеседник старше ее почти вдвое и никаких отягчающих сексуальных отношений.

Элизабет не сразу сумела вернуться к заранее подготовленной роли с шефом.

– А что я должна понимать? Прошел уже год. Какая нам теперь разница? – Ей показалось, что она звучит подозрительно безразлично.

– В том и дело, что всего год! – взорвался шеф. – Только-только улеглась вся эта шумиха в прессе, и опять новая волна! И вот это вот про дело по статье «Убийство» – зачем они снова это вставили?

– Может быть, теперь у них есть конкретный подозреваемый – тот самый моряк? – Элизабет прочла эту бредовую идею утром в каком-то желтом издании.

Однако Йозефу, кажется, она показалась интересной. Он оторвался от своей витрины, задумчиво шурясь.

– Ты думаешь? Это было бы очень кстати. В любом случае, нам нужно извлечь из всей шумихи максимальную пользу. Про моряка пускай думают сами, но мы-то понимаем, что старик просто убил себя. Надо сыграть на опережение и дать интервью о том, на какие страшные поступки толкает людей скупая бюрократическая машина. Ты бы могла за это взяться?

– Не уверена, что я смогу правильно донести эту мысль.

Он неободрительно посмотрел на нее.

– Ты же помнишь, наша с ним переписка была вскрыта, частично опубликована. И в ней я проявляла некоторую, как ты выражаешься, нейтральность. Будет странно, если теперь именно я начну говорить о том, как необходимо было предоставить профессору наши услуги.

Йозеф сел за стол и начал переключать стопки бумаг. Элизабет продолжала молчать, что нисколько ее не угнетало. Она превратилась в оболочку, внутри которой сидела та, настоящая Элизабет, и от души наслаждалась всей разыгрываемой пьесой. Йозеф заметно волновался. Ей нравилось смотреть, как он думает: его жилистые руки обычно что-то чиркали на бумаге или на маркерной доске. Еще с юности Элизабет казались самыми привлекательными в мужчине умный взгляд и «живые» руки, как у отца, который любил что-то мастерить, как у Хавьера, возвращавшего своими руками надежду людям, как у профессора Колина Томпсона, в руках которого часто мелькала какая-нибудь головоломка.

Йозеф любил думать, правда, сейчас этот процесс сопровождался не типичной для него нервоз-

ностью. Он ворчал что-то про СМИ, про печатное слово, запускающее цепную реакцию.

- Слушай, а что там тот писатель? Помнишь, ты говорила о каком-то писателе из России?
- Он давно отказался от своей идеи с книгой.
- Это неважно. Сейчас речь о другом. Он писатель. Владеет словом. У нас вот не было клиентов из России, а наверняка там у вас хватает таких же, которые идут на самоубийство от безысходности. Думаю, стоит предложить ему написать статью о нас. Книга – это ерунда, он прав, а вот статья – дело быстрое и меткое. Есть у тебя его данные, где публикуется, для кого пишет?
- Кажется, нет, но я посмотрю и перешлю тебе.

Она вернулась к себе в кабинет, включила компьютер и машинально начала искать в почте письма от русского писателя. Эта идея ее несколько не занимала, но если шефу надо, она найдет координаты и посмотрит, что он там пишет.

Она думала о Колине и с некоторой печалью пробовала на вкус идею о том, как бы эффектно могла бы вписаться в ее книгу его настоящая история. Могла бы, но увы.

Забавно: ни ей, ни Колину не пришло в голову, что часы смогут найти и они будут жить своей жизнью на земле даже после исчезновения владельца. Или, быть может, старый профессор так и задумал, хитрец? Вдруг все-таки выиграло в нем желание проверить, оставить по себе громкий аккорд? Кто теперь узнает. К счастью, ей не о чем беспокоиться.

Она вспомнила рассказ, о котором ей говорил Колин, открыла новую вкладку и на русском забила в поисковике: «Сомерсет Моэм. Макинтош». Из динамика послышался женский голос: «Он немного поплескался в море: слишком мелко, чтобы плавать, но забираться на глубину было опасно из-за акул...» Элизабет поднялась и тихо прикрыла дверь кабинета, кажется, впервые за последний год.

«...Час спустя на том месте, где он упал, плескались и пенили воду гибкие коричневые акулы». Аудиокнига закончилась. Она слушала этот рассказ второй раз, но теперь он не казался таким драматичным. Он был уже не про историю какого-то несчастного англичанина, но про историю Колина.

Йозеф вошел, даже небрежно постучавшись, но не дожидаясь приглашения.

- У тебя такое лицо – что-то еще вышло в новостях?

Элизабет рассеянно взглянула на шефа.

- Ты и дверь закрыла. Будь добра, говори, как есть, что там еще?

Элизабет распрямилась и рукой предложила Йозефу сесть.

- У меня какие-то странные новости. Кажется, он всех нас обманул.
- Кто? Профессор?! С чего ты взяла? – Йозеф, не успевай погрузиться в кресло, тут же подскочил и вплотную подошел к Элизабет, уставившись в ее монитор. – Это на каком языке? Русский? При чем здесь русские?

Элизабет раздраженно подумала, как глупы все переживания Йозефа и остальных о профессоре. Там уже все давно улажено, чего перебирать. Сейчас перед ней намного более странная задачка.

- Я про писателя. Ты попросил меня собрать о нем информацию, и кажется, все выглядит очень странным. Он писал о том, что является лауреатом самой большой писательской премии в России. Я проверила. В списках победителей его фамилии нет.
- А! Уж я-то напрягся. – Йозеф неспешно отошел и во второй раз начал усаживаться в кресло. – Пишет под псевдонимом? Писал нам под вымышленным именем?
- Я тоже так было подумала, но это его настоящая фамилия, он присылал скан паспорта на случай, чтобы мы могли его пригласить.
- Не понял. Зачем пригласить?
- Хотел увидеть нашу работу вживую. Ты тогда сказал, что сейчас не до него и такое предложение компании не выгодно. Это было сразу после твоего назначения.
- Что-то припоминаю. Так и что же? Не вижу связи с премией.
- Я проверила фото всех победителей за пять лет существования этой премии. Ни на одной его нет. Более того, даже в коротких или длинных списках его нет. Его вообще нет в списках никаких литературных премий.
- Ты уже заинтриговала. Так, дай угадаю. Это был не писатель, а шпион? Ваши русские хотели через него похитить наши вакцины для эвтаназии? Элизабет невольно улыбнулась:
- А это зачем, уважаемый Шерлок?
- Ну как же, Ватсон, тогда они смогут убивать своих перебежчиков в Европе, а следа никто не найдет! Они же у вас вечно натопчут, как дети. Британцы только и делают, что вытирают и плачутся мамочке в Гаагу. А тут так ловко все обставить: писатель! Кто может заподозрить в шпионаже столь безобидных в своей неспособности к жизни людей?!

Элизабет взглянула на шефа, и ей показалось, что они знакомы четверть века, не меньше. За по-

следние пару месяцев после той ночи он серьезно изменился. И поскольку никто в компании вроде как этого не замечал, она была уверена, что она просто не видела его настоящего раньше, не понимала, какой он на самом деле. Лет десять назад она постоянно твердила, как мантру: только не влюбляться, больше никаких страданий, надо уже отдыхать. Сейчас же кажется, что все эти установки – такая бессмысленная игра. Пусть будет, как будет. В конце концов, что, если не чувства, делает нас живыми.

– Элизабет, если ты продолжишь молчать, я заподозрю тебя в сговоре. Вдруг ты сейчас обдумываешь, как меня ликвидировать, из-за того, что я обо всем догадался? Раскусил твоего агента! Она улыбнулась снова:

– Увы, я разочарую тебя. Он все-таки писатель. Точнее, поэт.

– О, поэт... Совсем беспомощный вымирающий вид.

– Да, забавно как раз то, что он не только наврал про премию, но и выдавал себя за прозаика. Говорил, что писал романы, рассказы, сценарии. Я, честно говоря, в полной потерянности: что это было? Зачем?

Йозеф, как довольный кот, явно успокоенный сменой темы с таинственных часов на бестолкового плута-поэта, размякнув в кресле, массировал левое плечо.

– Дорогая, автор романа – это звучит внушительно. Представляешь себе такого труженика, выдающего по кирпичу в твердом переплете раз в пять лет. А поэт – ну на какую женщину сегодня произведешь впечатление поэзией? Время serene над под окном и любовных посланий голубиной почтой безвозвратно ушло. Тебя бы я точно не смог очаровать подобными глупостями.

Йозеф, не дожидаясь ответа, выкрикнул в коридор секретарше:

– Изабель, закажите, пожалуйста, нам две пиццы ассорти!

Из коридора ответили тишиной, и Йозеф, кряхтя, поднялся и направился к выходу.

– Тебе не интересно узнать, что дальше?

– А что, есть продолжение?

– Нет, но ведь интересно же понять, что значил весь этот пассаж.

– Сейчас, погоди, я вернусь.

Элизабет разочарованно проводила Йозефа взглядом. В последний месяц его походка стала несколько тяжелее. Не удивительно: забрасывать в себя столько еды без разбора. Она и сама явно пополнила. Ее свободного края платья пока не подавали сигналов бедствия, а вот нижнее белье стало

натирать и оставлять кружевные следы резинок по всем округностям тела. Хотя Йозеф, кажется, и не заметил ее изменений. Он вообще мало наблюдатель.

Она автоматически открывала вкладку за вкладкой, которую выдавал русский поисковик по запросу «поэт Михаил Петричкин». Черета неприглядных фото как будто вытолкнула ее из размышлений о переменах в жизни. На фото в паспорте был намного более приятный человек, а в сети он был похож не то на маньяка, не то на педофила. Странный зализанный хвостик на некоторых фото сменялся еще более нелепыми распущенными жиденькими сосульками. Хотя на картинках в анфас зачесанные волосы совсем непропорционально обрамляли крупное квадратное лицо (уж лучше, наверное, сосульки) – лицо со следами юношеской угревой сыпи и выражением вечной брезгливости к миру. Неужели так и правда выглядят современные поэты?

На большинстве страниц выплывали стихи Петричкина с горсткой анонимных комментариев. Как она отстала от современного русского языка: никак не удавалось прочитать его произведения так, чтобы уловить ритм, мелодику, да хотя бы смысл понять. Наверное, это можно сейчас – сочетать несочетаемое. «Глубины поверхностных вод», «расправив срезанные крылья»...

Ни премий, ни книг...

Йозеф вошел, на ходу все так же разминая плечо, и сразу направился к креслу. Ей показалось, что легкость его настроения слетела. Элизабет повернула к нему ноутбук.

– Тебя беспокоит плечо?

– О, так он же псих! – Йозеф, как обычно, отмахнулся от ее вопроса о здоровье.

– Кто?

– Ну кто это – писатель твой?

– Да. А почему псих?

Йозеф закатил глаза:

– Хорошо, человек с ментальными расстройствами. Посмотри на фото. Ты что, не общалась с психами?

– Знаешь, как-то не приходилось, кажется.

Элизабет развернула к себе ноутбук и еще раз взглянула на фото. Тип, конечно, неприятный, но чтобы так сразу псих?

– Лет двенадцать назад я работал над ребрендингом психофармакологической компании, специализирующейся на нейролептиках и седативных средствах. Как маркетолог я, конечно же, решил проникнуть вглубь темы и посетил несколько реабилитационных центров и даже больницу,

– Мы боимся потерять «друзей», мыслящих с нами в одном направлении. Проблема в том, что нас наверняка прочтут родственники ушедших, и им могут не понравиться вот эти двойственные послылы, твои размышления о том, надо ли, стоило ли. А будущие гипотетические пациенты? Понимаешь, в твоей книге нет мотивации на то, чтобы обращаться к нам. Ты как будто смотришь на это все отстраненно, просто как наблюдатель. Но, работая с нами, ты не можешь быть просто фотографом. Ты – часть команды, часть нашей идеологии.

– Мне просто хотелось поднять в книге важные вопросы, но не давать ответов. Читатель и сам сможет сделать вывод.

– Сам? – Йозеф повернулся от зеркала. – Элизабет, это же не дешевый любовный роман с низкосортными интрижками! Ты берешь тему, о которой будут спорить еще лет сто, а то и двести! Да-да, уверен, что века не хватит, чтобы перевелись глупцы в нашем мире. И что же ты делаешь: ведешь их в нужном направлении? Жестко обозначаешь конкретный путь? Стимулируешь их на правильный выбор?

– Ты звучишь как идеолог.

– А ты – нет! И в этом и проблема. – Йозеф, уже полностью одетый, искал куда присесть. Он аккуратно переложил ее вещи и погрузился в кресло. Элизабет предпочла бы, чтобы он сел на край кровати, а еще лучше – поближе к ней, обнял и спокойно предложил варианты дальнейших действий. Но сейчас перед ней сидел ее шеф. Он чуть выдохнул и, кажется, теперь взвешивал каждое слово. – Твоя книга заставляет читателя сомневаться, провоцирует споры.

– Разве это не то, что должна делать любая книга?

– Любая – может. Но не эта. Каждое судебное разбирательство по эвтаназии освещается по всей Европе, а то и по всему миру. Только ленивый не пишет об этом в своей газетенке или блоге. Споры и дебаты и так хватает! Ты должна была показать конкретную позицию – нашу! В этом твоя миссия, как сотрудника, понимаешь?

Элизабет провела рукой по примятой Йозефом подушке и с усилием подавила в себе поднимающуюся волну возмущения на слово «должна». Слишком приятным было это утро до ее дурацкого вопроса. Хотя отчего же дурацкого. Кажется, именно эта рукопись расшевелила ее так, будто ей снова лет тридцать и все еще впереди. Как тогда, на корабле с Хавьером... Даже вспомнить сложно что-то из последних полутора лет значимого, кроме рукописи и романа с Йозефом.

– Я начала писать книгу, потому что отказался этот русский псевдописатель. Мне было жаль, что пропадет такой материал. По факту, я продолжила его дело. Он бы ведь выполнял прежде всего миссию творческую, а не идеологическую.

– Во-первых, он не работает здесь, потому что несет никакой идеологической ответственности. А во-вторых, эту беседу мы начали с темы спонсирования. А его книгу, случись она такой же аморфной и невнятной, мы бы и не стали спонсировать. Пусть сам бы искал, где ее пристроить. Уверен, что в Европе ему бы ничего с ней не светило.

– Аморфной и невнятной? – Элизабет резко села.

– Я имею в виду в плане авторского голоса, не придирайся. – Йозеф взглянул на часы. – Давай мы договорим вечером. Ты собираешься вставать? Мы так опоздаем. Позавтракать можем в Zum Guten Glück*. Твои любимые бейглы с лососем и яйцом-пашот, я наконец запомнил, где их подают!

Через несколько недель страсти вокруг часов профессора Томпсона улеглись. Там, в Австралии, быть может, и продолжались поиски бедолаги-моряка, а может, и дошло уже до допросов его на предмет причастности к убийству, и этот несчастный уже трижды пожалел, что решил нажиться на такой находке. В любом случае, акула, заглотившая сенсационную добычу, уже давно распотрошена и съедена в местных морских ресторанчиках. О профессоре и часах, наверное, будут говорить еще долго, но уже не так громко, так что даже Элизабет завершила ритуалы ежеутреннего просмотра австралийских новостей. «Вулкан» затух, пепел его остался проблемой далекого материка.

Элизабет с улыбкой прокручивала в голове длинные разговоры с Колином Томпсоном, его голос, фоном плывущий над умиротворяющими пейзажами океанического побережья. Эта история была для нее закрыта, завершена вполне удачно, однако в последнее время после новости о часах она чувствовала не то тревогу, не то напряжение. Порывшись в воспоминаниях о всех событиях с момента публикации статьи в газете, она вдруг поняла, что источник раздражения – это история с псевдописателем Петричкиным. Даже смешно стало, почему вдруг этот немислимый чудак снова будто вторгся в ее жизнь. Виной был Йозеф, вскользь снова обесценивший идею ее книги, но придавший значимость призрачным писательским навыкам этого вруна.

* В переводе с нем. «на удачу».

Любопытства ради она снова начала просматривать ссылки поисковика. Не обнаружив ничего нового, вспомнила про социальные сети – где же еще реализовываться таким вот несчастным.

Маленькая круглая фотография представляла собой снимок звездного неба, кажется, даже не снимок, а рисунок. А на длинной заставке аватарки крупным планом белел лист бумаги, над которым зависла рука с пером. Справа стояла чернильница, стилизованная под старину. На листе расплзлись неровные строчки типично корявым поэтическим почерком. Элизабет увеличила изображение, чтобы разобрать написанное, и тут же недовольно фыркнула: рука крупным планом – противно белая, пухловатая, с несколькими мелкими болячками. Ее бы можно было спутать с женской, если бы не под корень срезанный ноготь большого пальца с торчащими мохнатыми заусенцами и красными следами от обкусывания или обдирания кожи. Она по слогам с трудом разобрала написанное:

*Мне вѣдунья нынче нагадала,
Уходит в дальний край наказала,
От мирской бежать суеты:
«А то смерть обретешь скоро ты».*

Элизабет разочарованно вздохнула, но что-то в этой картинке все же цепляло. Ах да: чернильница! Она уменьшила изображение и, прищурившись, пыталась представить свою руку на фотографии. Да, чернильница и перо. Банально, но все же наверняка создает нужную атмосферу. Писать пером ей, конечно, не улыбалось, а вот просто оформить свой уголок лишним атрибутом творчества – приятная шалость.

Настроение стало легким и игривым. А почему бы и не написать, ведь вообще-то это он ее бросил со всей идеей рукописи. Ее вообще всегда бросали мужчины, но те мужчины были ее любимыми, а этот – немислимость, что о себе возомнил.

Элизабет потянулась курсором, кликнула и с неожиданной для себя легкостью отправила «День добрый! Как дела?».

Глава 16

Зато теперь я могу быть уверен, что ты спала со мной точно не из жалости, раз ничего не знала! – Йозеф потянулся поцеловать ее. – Для тебя тоже плюстик – ты можешь быть уверенной, что ты – моя последняя женщина.
– Йозеф, это... Это не смешно... – Элизабет ощущала замешательство. В голове крутились одни и те

же вопросы: «А как же я? Почему ты не сказал раньше? Зачем ты закрутил со мной роман?» Она злилась на себя за эгоистичные мысли, пыталась настроиться на то, что сейчас чувствует он, как он вообще с этим справляется, какие слова хочет услышать.

– Я не понимаю, как я могла не запомнить о тебе *такое!*

– Да ладно, я тогда для тебя был обычным занудой из другого отдела. В конце концов, ты каждый день работаешь с похожими историями. Чем моя была значимей? Да и ты, наверное, тогда была так поглощена своей писаниной, что вообще никого не замечала.

Элизабет пропустила мимо ушей его иронию насчет ее романа:

– Нет, книга была позже, когда ты уже стал шефом.

Она силилась вспомнить хотя бы какие-то отголоски ситуации, которую описал Йозеф: общее ежемесячное расширенное собрание-бранч, за длинным столом их человек пятнадцать. Он говорит о своем диагнозе где-то между горячим и десертом. В своем духе – с иронией, которая в принципе присуща большинству работников их центра. Просит не мусолить эту тему слишком долго и отнестись с уважением к его желанию больше не задавать ему вопросов о здоровье... Нет же – нет. Ее память не выдавала ровным счетом ничего. Пустота, никаких откликов. Как будто «делитом» стерли. Даже если учитывать, что они редко пересекались, работая в разных частях здания, и он был ей не очень приятен, – она бы все равно запомнила! Или нет? Может, только сейчас, когда на пару месяцев он стал ее мужчиной, ей вдруг кажется, что он всегда был значимым?

– Февраль.

– Что, прости?

– Я объявил это в конце февраля. Узнал одиннадцатого февраля, когда катался в Гштааде. А как вернулся – так и сообщил.

– Я, наверное, тоже была в отпуске. Обычно это мой месяц.

Не только ее, но и типичный месяц для отпусков почти половины служащих: февраль и декабрь – наименее загруженные на работе. Пациенты стараются не омрачать близким Рождество и День святого Валентина. Если и получают одобрение от клиники в конце осени, то выбирают либо ноябрь, либо уже март. Реже, в совсем тяжелых случаях, – январь. Элизабет мельком подумала, что если бы в России люди могли выбирать время ухода, наверное, это был бы сезон с мая по сентябрь. Земля мягче, провозающим спокойнее.

Февраль... Конечно же, февраль. И конечно же, она не могла слышать сообщение Йозефа. Это был тот самый февраль, когда она, после тридцати четырех писем Колина Томпсона и еще двух месяцев звонков по видеосвязи, чтобы никто не мог узнать о содержании их бесед, отправилась в свое самое странное путешествие, так ловко придуманное и так тщательно продуманное самым интересным собеседником в ее жизни. Последняя неделя февраля и еще две в марте. Наверное, когда она вернулась, сплетни уже утихли. Да и какие сплетни: тема болезней сотрудников никогда не была спекулятивной в их компании.

Когда она прошла с одним удивительным мужчиной, время начало отсчет для другого, ставшего ее любимым человеком год спустя...

– Сколько тебе... Сколько они предполагают?
– Времени? Это непредсказуемо, скорость регресса у каждого своя. Год-два, наверное, есть. Если ты не возражаешь, я бы предпочел об этом не говорить.

Не возражает? Конечно, она возражает! А с кем ей об этом говорить? Ей что, оставить все как есть? У нее в закладках несколько туров в Тибет – недели две отбирала наиболее подходящие для них двоих предложения. Ретриты, посещения монастырей, духовные практики. Она представляла себе, как сблизит их такой опыт, как удивительно будет после стольких лет одиноких путешествий иметь рядом человека, к которому можно повернуться и воскликнуть: «Смотри, какая красота!» или «Ты видел, вон там проплыла – кто это?»

А теперь... Да куда там горы, хотя бы лежать тюленями на Тенерифе – и то неизвестно, стоит ли даже помышлять. Амиотрофический склероз – ей даже выговорить это сложно, не то что принять!

– Не говорить? Ты в стадии отрицания?

Йозеф улыбнулся:

– Нет, не переживай. Думаю, сейчас что-то среднее между депрессией и принятием. Остальное я уже прожил за год. Отрицание, насмешки, пересдача анализов и смена четырех врачей, попытки договориться не то с ними, не то с собой, вспышки агрессии и подавленность. Все как в твоей прекрасной методичке, представляешь?

– Это не моя придумка, Йозеф. Это давно известная модель. Какими бы разными ни были люди, их мозг проживает новости о скорой смерти одинаково.

– Да-да, теперь я на себе проверил. А до этого, честно говоря, относился так же скептически, как к твоей псевдокнижке. Думал, что ты вообще любишь всю эту болтовню и бессмысленные рассуждения.

Элизабет сидела в кафе La petite histoire* одна. Воскресенье, в маленьком зале всего три столика, остальные шумят на улице. Ей принесли ароматный бранч: хрустящая брускета с лососем и авокадо, кокетливо украшенная рукколой, чай с бергамотом в расписном чайнике, впереди ждал воздушный десерт «Павлова». Она любила это место за интерьер, домашнюю атмосферу, незаметность официантов. Белые с деревянными панелями стены, зеленые состаренные столики с ротанговыми стульями, свежие цветы, скатерти с вышивками и посуда – не эти общепитовские белые тарелки, нагоняющие тоску от заштампованности, а увесистые узорчатые блюдца, тяжелые в руке, как будто каждую такую вещь отдельно лепили в гончарной мастерской. Каждая тарелка на столе была со своим рисунком. Как в детском саду, разглядывая в тихий час узоры на потертом псевдовосточном ковре через дырки раскладушки, Элизабет любила рассматривать эти блюдца, фантазируя, куда двигалась рука мастера, выписывая очередной вензель.

Однако сегодня аппетит не приходил. С момента их разговора про диагноз Йозефа она вот уже несколько дней удерживалась от того, чтобы начать собирать информацию о перспективах лечения, откладывая это на выходные, чтобы не выпасть окончательно из рабочего процесса. В принципе, она примерно представляла, что найдет на просторах сети.

Фейсбук выдал ей очередное сообщение от Петричкина. С того раза, как она шуточки ради ему написала «День добрый», он так распалился от их диалога, что теперь через день поставлял ей то цитаты великих, то собственные строчки, несмотря на то что она ему больше не отвечала. Сначала было хотела вывалить на него всю открывшуюся правду, а потом рассмеялась – зачем это?

Она начала прокручивать вверх его сообщения, постепенно подбираясь к их первому диалогу в мессенджере.

– Постепенно я поверил, что стал настоящим художником!

– Но только

– Хотя я и стал рисовать

– Но... сомнения все равно не оставляли меня

– Возможно, мне просто нужно продолжать творить в каком-то другом направлении

– «Все не так, как кажется»

– Я колебался и все же рискнул попробовать последний самый надежный вариант: обратился

* В переводе с фр. «анекдот».

спрашивали, отвечали, записывали. А в голове Элизабет шестеренки и колесики запустили какой-то свой механизм, как будто собирая воедино пазл событий жизни за последние пару лет.

Вселенная явно посылает ей сигналы: предложение писателя, странное согласие Маркуса, смена шефа, резкий отказ писателя, затем и отказ Йозефа. Все это словно промежуточные звенья, которые появились и исчезли, чтобы просто создать цепочку: расшевелить ее на то, чтобы сделать что-то свое, что-то большое и значимое. Несколько случайных встреч, событий, несколько случайных людей, которые были посланы на какое-то время, чтобы потом сойти со сцены и оставить ее одну с идеей книги.

И этот гипертрофированный часовой механизм... Нет уж, она не может себе позволить просто ждать у постели, когда Йозеф исчезнет из ее жизни. Ей слишком много еще нужно успеть, ведь вряд ли «статистическое бюро небесной канцелярии» ошибется или забудет о ней так же, как о Колине. Йозефа они решили прибрать за пару лет, а то и быстрее. Так что гарантий насчет того, что она попадет в цифру средней продолжительности жизни швейцарки, никаких нет. Ей нужно туда, где ее книга будет востребована, а сама она сможет достойно использовать отведенное ей время.

Всю оставшуюся встречу она в нетерпении смотрела на часы, раздражаясь все больше на такую пустую трату времени. В конце совещания дошли до обсуждения музея «последних» вещей пациентов клиники. Йозеф мельком бросил, что он был бы счастлив, чтобы его камни попали в такой музей, а не были бы просто утилизированы. На его комментарий тактично промолчали, но точно приняли к сведению и наверняка выполнят.

А она? Чтобы она принесла в свой последний день? Гребень, подаренный Хавьером? Или осколок метеорита от Йозефа? Авторскую уникальную куклу с лицом Элизабет и одеждой с одной из их общих фотографий, трусливо присланную Маркусом по почте на это Рождество, хотя живет он всего в нескольких минутах езды. Чтобы эти вещи говорили о ней самой? Когда-то любимая женщина... любимая мужчинами-романтиками... хранящая дары о первой любви. Увы, они лишь говорили бы о них: о ее мужчинах. И эта книга, если бы написал ее Петричкин, она бы тоже говорила о нем: его слог, его язык, его мышление, его оригинальный сюжет. Элизабет – лишь героиня. Пусть и главная, но всего лишь героиня чужой книги.

Йозеф был прекрасным любовником. Вообще-то своеобразным, если не лукавить. Хотя в их возрасте

уже не так много вариантов для выбора. Возможно, она еще вернется. Вернется с книгой или готовым контрактом. Вернется, чтобы просто жить или чтобы попрощаться с ним. Драм с нее хватит, разве что для нового сюжета пригодятся. У нее осталась она сама – только теперь это звучало в голове не с той грустной улыбкой принятия, как последние лет десять, а, скорее, с вызовом, с тревогой, с острой потребностью срочно что-то для себя сделать.

– Куда вы летите, мадам? – Молодой таможенник улыбается ровно настолько, чтобы это можно было счесть профессиональной вежливостью.

– В Москву.

– Цель визита? – несколько раз смотрит на фото в паспорте и на саму пассажирку.

– Встреча с издательством. Я везу рукопись для обсуждения.

Она заранее распечатала целый список московских издательств с адресами и координатами, требованиями к авторам и условиями приемов рукописей. На всякий случай.

Глухие звуки штампов, отрывистые, как и вопросы таможенника, как будто на военном марше отчеканивающие единственный для нее путь.

– Проходите, хорошего полета.

